

ГОРЬЯН ПЕТРЕВСКИ

Марта

Горьян Петревски
Марта
Серия «Магистраль.
Балканская коллекция»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73923422

Марта:

ISBN 978-5-04-247238-1

Аннотация

Горьян Петревски – один из самых популярных писателей Македонии. Его роман «Марта» входит в школьную программу по литературе. По духу книга напоминает «Вино из одуванчиков» Рэя Бредбери. Перед вами сказка для взрослых, которые забыли, что чудеса ближе, чем кажется.

Марта хочет узнать, кто ее папа. Пока она пытается выяснить это, за ее сердце сражаются тихий художник Борко и гонщик-режиссер Витязь. Но не все так прозаично. С липы за борьбой наблюдает дедушка Илия, который ночью становится Капитаном Марксвелом. В это же время с наступлением осени все бабушки города взмывают в небо. А Марта... Марте еще предстоит посетить дом детей-невидимок, чтобы узнать о прошлом мамы. Найти папу, который строит саморазрушающиеся дома. И по-настоящему влюбиться.

Содержание

Марта	5
1	5
2	14
3	21
4	30
5	36
6	44
7	54
8	63
9	75
10	81
11	88
12	97
13	106
14	116
15	126
16	134
17	141
18	148
19	157
20	163
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Горьян Петревски

Марта

Горјан Петревски

Марта

Другата Марта

Copyright © Gorjan Petrevski. 2025

All rights reserved.

© Никитин Н., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Марта

Посвящается Дафинке Н.

1

97 часов 20 минут

«Как зовут папу?»

Именно этот вопрос был записан в дневнике Марты под пунктом: «О чем спросить того, кого больше всех любишь?»

Когда Бисера, маленькая женщина с большими глазами, вошла в ее комнату, Марта еще дремала. На ее подушке лежал открытый дневник... Бисера бросила на него беглый взгляд и кое-что даже успела прочитать. «Вот так новость... выросла моя девочка, выросла и хочет знать правду», – подумала она. Только Бисера собралась закрыть дневник, как Марта тут же перевернулась на другой бок.

– Просыпайся, соня, – сказала мама, – вставай, ночь моя звездная...

Марта исподлобья взглянула на нее: «Прочитала она или нет?»

– Хватит спать! Кому-то в школу пора...

«Ну что ты с ней будешь делать! Придется применить меры. По-хорошему она не понимает», – решила Бисера

и подошла к проигрывателю. «“Роллинг Стоунз”... Дженис Джоплин... Ага. Вот и “Битлз”. Она их просто обожает».

– *Марта, май диар, донт фorget ми*, – пропела Бисера, – вставай скорее.

– Еще пять минуточек, – послышался голос из-под одеяла.

– Никаких минуточек! Что ты за человек такой? Тебя даже «Битлз» не могут разбудить!

– Ладно, ладно... Не ругайся, мам. Ты иди, а я тут как-нибудь разберусь.

– Хочешь сказать, не опоздаешь?

– Не-а, когда это я опаздывала?

– Да, и правда... – сказала Бисера, – завтрак на столе. И, кстати, там в холодильнике есть мороженое!

– Хорошо, мам.

– Ешь как следует.

– Ага, – зевнула Марта.

– Все, я убежала! До вечера!

Оставшись одна, Марта вскочила с кровати, посмотрела на дневник и вдруг поняла, что ее ловушка сработала и мама прочитала все то, что должна была прочитать!

– *Martha*, – подпела она, – *my dear!*

Есть ей не хотелось, зато хотелось думать, и она думала: «Когда мама мне наконец расскажет обо всем? Я ведь уже взрослая и знаю, что такое синус и косинус. А между прочим, далеко не все взрослые это знают. К тому же я нравлюсь мальчикам. Особенно тому мотоциклисту Витану, которого

еще зовут Витязем. Он на меня так смотрит... Впрочем, ничего особенного. А вот Борко – это другое дело. Он скромный и милый. Только немного сутулится и постоянно бледнеет, зато он научил меня рисовать жирафов!»

Иногда в своих мыслях Марта будто бы слышала чей-то голос... Нет, нет, никаких привидений и духов – это был голос ее папы. Она очень хотела увидеться с ним, но для того, чтобы с кем-нибудь увидеться, нужно сначала узнать, где он находится, как его зовут... Маму спрашивать было бесполезно. Вот уже который год она ломала какую-то комедию и не могла толком ничего рассказать. Конечно же, Марта понимала, что без драмы, а может быть, и трагедии, здесь не обошлось, и все-таки ей было очень обидно!

– Мама, – просила она, – расскажи что-нибудь о папе! Хоть что-нибудь!

– Ну... – говорила Бисера, – согласно толковому словарю, папа – это...

– Знаю, знаю, ты мне лучше про моего папу расскажи!

– Он космонавт, дочка, и работает на Юпитере. Когда он вернется, тебе будет как минимум сто двадцать лет.

– Ага, конечно. А в прошлый раз ты говорила, что он ушел в кругосветное путешествие. Ты хотя бы не путайся в показаниях, мам!

– А что? Что здесь такого? Просто твой папа всегда умел сочетать приятное с полезным.

Да уж... Давно замечено, что, сколько ни думай о самых

важных и интересных для тебя вещах, однажды все равно наступает момент, когда приходится идти в школу... А иногда и бежать.

Завтрак по-прежнему стоял на столе (ему не нужно было куда торопиться), а вот Марта уже летела в школу имени Иоганна Генриха Песталоцци¹. Глядя на нее, три соседские бабушки, которые вышли на прогулку вместе со своими собачками, неодобрительно покачали головами и вспомнили старые добрые времена.

– И куда это так несется современная молодежь? – сказала одна из них.

– Вот в моей молодости все ездили на каретах, – поддержала ее подруга.

– Помню, – с трудом прошептала третья, – был у меня ручной динозаврик...

Но Марте тогда было совсем не до старушек с их динозавриками. Она очень спешила – так сильно ее тянуло к знаниям, а знания все-таки бывают очень разные: как там поживает Борко? Как он себя чувствует? Для науки это вовсе не праздные вопросы. Если бы люди спрашивали себя только о том, сколько будет два плюс два, и при этом смотрели буками, на что бы это все было похоже?

А кроме того, Марте все никак не давал покоя тот самый

¹ Иоганн Генрих Песталоцци (1746–1827) – педагог-гуманист, которого принято называть «отцом современной педагогики». (Здесь и далее примечания переводчика, если не указано обратное.)

вопрос – как зовут ее папу? Не то чтобы она раньше об этом не думала, просто есть в жизни такое время, когда все вдруг отходит на второй план и прячется в тени, и только что-нибудь одно, что-то большое и важное остается на виду.

Очень возможно, что тем утром она проходила сквозь стены. Пока собравшиеся за столом семьи намазывали на хлеб сливочное масло, она все бормотала себе под нос:

– Интересно: высокий он или низкий? Строгий или очень добрый? Может быть, он играет на бас-гитаре или лучше всех разгадывает кроссворды...

Даже если бы к ней тогда подошел добрый волшебник, знаменитый писатель или режиссер, она бы их даже не заметила.

Марта думала о том, что ей уже давно надо было поймать маму где-нибудь в темном переулке и задать ей все эти каверзные вопросы, и так задать, чтобы она точно ответила. «Почему это я до сих пор жила в таком страшном неведении? – не понимала она. – Как это я решала задачки, прыгала через скакалку, не зная, как зовут моего папу?»

Да, все это и впрямь было очень странно. Но, честно говоря, с кем не бывает? То есть я хочу сказать: иногда нам в голову придет какая-нибудь мысль и начнет там крутиться и играть с нами, как котенок с клубком. И вот если еще вчера все казалось просто, то сегодня все уже страшно запутано.

Я, например, прихожу, бывает, на рынок и вижу – арбузы привезли. Я спрашиваю: «А когда же это их привезли?» А

мне и отвечают, мол, две недели назад. Хотите – верьте, хотите – нет, но после этого я ночами не сплю: «Как же это я две недели жил без арбуза...» Ну да не будем обо мне, не будем.

Стоило только Марте появиться во дворе школы, мальчики тут же принялись шептаться:

– О-о-о, какие люди!

– Не девчонка, а динамит! Красотка!

– А мы и красивее видали!

– Кого это ты красивее видал? Эмму из ее класса, что ли, эту сплетницу?

– А что?..

– Да помолчи ты! Вы знали, что Борко по уши втрескался в Марту?

– Да ну? Врешь!

– Честное слово! Вот тебе циркуль!

– Какой там Борко! Мелковат он для Марты. Она достанется Витязю! Кому же еще?

– Да, Витязь в этих делах мастер.

– Если он на нее глаз положил, никуда ей теперь не деться...

Марта ничего этого не слышала. Все ей говорили:

– Привет, Марта! Как дела?

Но она проходила мимо, как будто все происходящее не имело к ней никакого отношения. Даже если бы вы ей сказали: «Марта, у тебя на голове паук-птицеед», и даже если бы

это была правда, она бы посмотрела на вас все тем же долгим рассеянным взглядом, как если бы смотрела в морскую даль.

– Марта, прием! – сказала Эмма, рыжеволосая девочка с пластинками на зубах и челкой на пол-лица.

– Эмма, вечно ты...

– Что?

– Ничего.

– А по-моему, чего... Хотя я, конечно, понимаю. Любовь – это такая штука...

– Какая еще любовь?

– Настоящая, – вздохнула Эмма, – по глазам все видно! Меня не проведешь, Марта!

– Слушай, отстань от нее! – сказал Борко. – Ты ей мешаешь.

– Так-так-так, а вот и предмет...

– Никакой я не предмет, – обиделся Борко, – я...

Но он не успел договорить, потому что в класс вошел учитель и сказал:

– Вообще-то физика – это самый важный предмет. Если вы пока этого не приняли к сведению, то советую принять, и как можно скорее. Я понимаю, что на дворе весна и ваша молодая кровь так и кипит, ну и что? Пусть она кипит где-нибудь в другом месте! А на физике я попрошу думать о физике. Выбросьте из головы все постороннее и посвятите все свои мысли закону всемирного тяготения!

– Вот она, – сказал Ацо, – невыносимая тяжесть бытия.

– Тихо! – крикнул физик. – Судя по результатам предыдущей контрольной, вы вместо того, чтобы учиться, витеаете в облаках. Вы хотя бы ощущаете... ощущаете, какой сейчас век? Сейчас космический век! Люди летают в космос, а вы...

– А что мы? – спросил Гоце. – Мы люди простые.

– Да что же это такое! – возмутился физик. – Бунт? Да как вам не стыдно!

«Ну вот, – подумала Эмма, – началось. Опять все то же самое. Как же я устала, как я устала от всего этого! Ну зачем мне всемирное тяготение? Мне от него ни тепло ни холодно! Сейчас, наверное, в парке такие красавчики собрались. Пожалуйста, дорогая вселенная, сделай так, чтобы меня туда притянуло и не отпускало...»

– Ацо и Гоце, к доске. Быстро!

Ацо и Гоце были два коренастых и безумно талантливых вольных артиста (так они себя называли). Само собой, как и все остальные, они вовсе не хотели идти к доске.

– А может... – сказали они.

– Быстро! Слушайте условие задачи: Вычислите силу притяжения Луны к Земле. Масса Луны равна 7×10^{22} кг, масса Земли – 6×10^{24} кг. Расстояние между Луной и Землей считать равным 384 000 км.

«Какая она красивая, – думал Борко, – надо записать условие... Какая же она красивая... Луны к Земле... Нужно сосредоточиться, сосредоточиться! Какая же она красивая!»

– Хмм, – сказал Ацо, – тут не обойтись без эксперимента.

– Так, мальчики, только посерьезнее, – предупредил физик.

– Гоце будет Луной, а я Землей.

– А почему это я должен быть Луной? – обиделся Гоце.

– Да потому что это твое предназначение, – объяснил

Ацо, – давай бегай вокруг меня!

– Я? Вокруг тебя? Да ни за что! Это ты бегай вокруг меня!

– Вот видите, – развел руками Ацо, – нет никакого притяжения.

Все засмеялись, а кто-то даже присвистнул, но тут...

– Неправда! – сказала вдруг Марта, спустившаяся на минутку со своих облаков. – Притяжение есть! Оно равно $1,9 \times 10^{14}$ ньютонов.

Все рты от удивления пораскрывали, а кто-то даже еще раз присвистнул. Что же до физика, тот прямо-таки проследился. «Не зря, – подумал он, – не зря я в школьном дворе яблоньку посадил!»

Так бы они, наверное, и молчали до самого звонка, если бы с улицы не донесся рев мотоциклов.

– Наверное, это он, – шепнула Эмма, обернувшись к Марте.

– Что? – не поняла Марта.

– Это Витязь, точно тебе говорю!

Беспечный ездок

У фонтана, недалеко от входа в парк «Женщина-борец», было лучше всего прогуливать школу. Уж поверьте мне на слово. Так что, где бы вы ни были, приходите к этому фонтану, и вы всегда найдете у него отличную компанию. Здесь собираются одни только веселые и беззаботные, отпетые и матерые. С такими не соскучишься.

– У, бездельники! Каждый день они так: ругаются, курят, плюются, – ворчали прохожие, – прилежные ученики, ничего не скажешь!

Фонтанных ребят было сложно не заметить. Даже если бы вы не знали, что это они, то, увидев их на улице, вы бы сразу поняли, что перед вами фонтанные ребята. Самым известным из них был Витан по прозвищу Витязь, высокий и сильный мальчик с внимательными карими глазами.

Таких мальчиков много по всему миру, и все-таки Витязь был один в своем роде. По крайней мере, его «банда» в этом ни на секунду не сомневалась. Гёрги по прозвищу Джо, Панде, он же Пантера, и Никола, или сокращенно Ник, – вот и вся «банда». Небольшая, зато очень опасная. Для этих орлов не было ничего невозможного. Дрались они, как львы. А умные были – не по годам.

Тем утром в Скопье произошло всего одно значимое со-

бытие – Витязь бросил недокуренную сигарету и посмотрел на часы. Он, конечно, догадывался, что выглядел при этом весьма эффектно, и ему было немного жаль, что рядом нет ни одной кинокамеры, которая могла бы его запечатлеть.

– Ходу, – сказал он, – через пять минут большая перемена.

– Для такого гонщика, как ты, – заискивающе улыбнулся Джо, – пять минут – это целая вечность.

– Вот именно, – поддержал его Пантера, – может быть, мы и позавтракать успеем? Я сто лет не ел плескавицу²!

– Завтрак у тебя будет завтра, – сказал Витязь, – у меня есть дела поважнее.

– Ну так что? По коням? – спросил Ник. – А то здесь как-то прохладно. Я замерз!

– Сейчас такую куколку вам покажу – пообещал Витязь, – мигом согреетесь, так что готовьте солнечные очки! Может быть, и вы себе кого-нибудь найдете... Конечно, не такую красотку, как в моем последнем фильме «Зорро», но все-таки... Зайдите ко мне вечером, неплохое кино получилось, я вам покажу. А теперь... чего встали? Поехали!

После этих слов никто уже не думал о завтраке, потому что все знали: если Витязь чего-нибудь хочет, он своего добьется. А если кто-нибудь встанет у него на пути, то несладко придется этому храбрецу, поэтому лучше быть вместе с Витязем, чем против него. Все очень хорошо помнили, что ждет того, кто перейдет Витязю дорогу.

² Плескавица – плоская котлета из рубленого мяса.

– То есть вы полагаете, – спросил он однажды, – что неандертальцы сами собою вымерли? Нет, господа, им помогли, – объяснил Витязь, а для того, чтобы усилить эффект, добавил: – Откуда, по-вашему, берутся все эти скелеты в кабинетах биологии? Надеюсь, мы друг друга поняли.

И они действительно друг друга поняли. Больше повторять не пришлось. Ребята завели моторы, разогнались и полетели по улицам Скопье. Витязю не терпелось поскорее увидеть одну девчонку, которая ему очень нравилась. Так нравилась, что он даже аппетит потерял. Более того, чтобы завоевать ее сердце, он был готов петь для нее серенады, но... Для начала ему пришлось бы научиться петь... Да и вообще кому нужны эти певцы? Вот то ли дело мотоциклисты! Стоит только сказать девчонке, что у тебя есть байк, как она тут же падает в обморок и потом визжит от восторга. Ну, или наоборот. Тут уж как получится.

Фонтанные ребята следовали прямо к своей цели. Они не сбавляли скорость на поворотах и не останавливались на светофорах, они в принципе редко останавливались (даже о запястьях и точках иногда забывали). Говорят, это вредно для здоровья – остановишься, задумаешься, загрустишь, а потом – бах и высокое давление. Ну и на что это похоже? Нет-нет, никаких остановок – полный вперед: курс на школу имени Иоганна Генриха Песталоцци, где только что началась большая перемена. На заднем дворе все еще было пусто, а это значило, что там они смогут спокойно обсудить свой ковар-

ный план...

– Какой у нас коварный план? – спросил Джо.

– Все как обычно, – сказал Витязь, – я выступаю, вы аплодируете.

– То есть как?

– А очень просто. Хлоп-хлоп-хлоп. Понимаешь?

– Но я тоже хочу выступить, – вздохнул Джо и сделал круглые глаза.

– У меня свои методы, – отрезал Витязь, – я работаю один.

– Конечно, для девочек у тебя всегда есть методы! – сказал Ник. – А у меня ничего нет, даже двух одинаковых носков!

– Не все сразу, мой дорогой друг, не все сразу. А теперь смотрите и мотайте на ус!

Заревел мотор, поднялась пыль... и чуть ли не гром грянул! Витязь не хотел, чтобы его появление осталось незамеченным – пусть все слышат. Он объехал разок вокруг школы и оказался прямо перед главным входом.

Тем временем Марта и Эмма, ни о чем не подозревая, ели бутерброды. Тут же стоял Борко и грыз карандаш: то ли от волнения, то ли в поисках вдохновения.

Как только Витязь припарковался, Эмма подмигнула подруге – не уппусти, мол, такой шанс один раз в жизни выпадает.

– Нет, ты только глянь, как он на тебя смотрит.

– Мне-то что, – пожалала плечами Марта.

– Какой Аполлон, Геркулес, Персей... – не успокаивалась

Эмма.

– Вот и бери себе, если нравится.

– Чего тебе от нее надо, Эмма? – вмешался Борко и чуть было не подавился своим карандашом. – Смотри лучше, как бы этот крокодил саму тебя не проглотил!

– Если бы, – вздохнула она, – Витязь на меня даже внимания не обращает. Вот на месте Марты я бы знала что делать!

А Витязь знал, что делать на своем месте. Он посмотрел Марте прямо в глаза и принялся выделывать всякие штуки: то прокатится на заднем колесе, то на переднем, то бэкфлип сделает, то двойной бэкфлип, то... В общем, вы поняли.

– Ууууууу! – кричали мальчики и девочки во дворе.

– Ааааааа! – кричал физик у себя в кабинете.

На одну лишь Марту все это не произвело никакого впечатления. «На меня это не производит никакого впечатления, – повторяла она себе, – совсем никакого».

– Все, – сказала Марта, – мне пора. Уже звонок скоро.

Но только она сделала пару шагов, как Витязь, кружась на мотоцикле, вдруг оказался прямо перед ней.

– Ты, случайно, не заблудилась? – спросил он. – Может, тебя проводить?

– Спасибо, тут недалеко, – сказала она и, обойдя Витязя, вошла в школу.

«Вот глупая... – подумали все (кроме Борко, само собой). – Ну как так можно? Мы бы на ее месте...»

Но вот прозвенел звонок, и все стали понемногу расхо-

диться.

– Да, Борко, – хлопнула его по плечу Эмма, – тебе до такого, как до Луны, но ты не расстраивайся. Почетное второе место...

– Знаешь что, Эмма, – обиделся Борко, – будь я чуть помоложе, я бы из твоей челки... косички сделал!

– Зачем? – не поняла Эмма.

– Чтобы за них дернуть, само собой!

– Ах, как же все-таки хорошо, что мы с тобой такие взрослые и серьезные!

Ребята вернулись в классы, и школьный двор снова затих. Один только Витязь никуда не спешил и все смотрел на дверь, захлопнувшуюся у него прямо перед носом. «Вот как, значит, – подумал он, – вот так, значит, да...»

Тут он пронзительно свистнул, и, как по волшебству, перед ним появились Джо, Ник и Пантера.

– Ну как? – спросили они. – Операция прошла по плану?

– Можно и так сказать. Для начала неплохо.

– А по-моему, она даже внимания на тебя не обратила, – сказал Джо.

– Да, и мне так показалось, – кивнул Ник.

– И мне, – поддержал его Пантера.

– А ваше мнение кто-нибудь спрашивал? – крикнул Витязь.

– М-м-мнение? – удивился Джо. – Нет, я просто... хотел сказать, что она с первого взгляда в тебя влюбилась! Просто

стесняется.

– И я так подумал!

– И я!

– Вот то-то же, – усмехнулся Витязь, – методы у меня рабочие, и стратегия железная. Скоро Марта станет моей, но для этого мне понадобится ваша помощь. Если все сделаете как надо, я в долгу не останусь...

– Мы готовы, – воскликнул Джо, – все для тебя сделаем!

– Кстати, – спросил Пантера, – а не пора ли нам пойти завтракать?

Все посмотрели на него и засмеялись, потому что впервые в своей жизни Пантера сказал что-то умное.

Будет ласковый дождь

Май в том году выдался замечательный – такой замечательный, что хоть целуй его в обе щеки. Все цвело и пахло, приближались каникулы, и отовсюду слышались звонки велосипедов. Казалось бы, живи и радуйся, да вот... не всегда получается.

Марта и Борко возвращались из школы вместе. Не то чтобы они жили по соседству... просто у юного художника всегда находились какие-нибудь дела в той стороне, где жила Марта, а именно на Илинденской улице: то ему нужно краски купить, то кардиограмму сделать... поэтому он довольно часто провожал Марту.

– Я с тобой! – сказал он ей после уроков.

– Ага, – заулыбалась Эмма, – опять у тебя дела на Илинденской?

– Да. А что? Тебя что-то смущает?

– Пойдем, Борко, – засмеялась Марта, – твое общество мне всегда приятно.

– Ой-ой-ой, – пропела Эмма, – тоже мне общество! Кстати, твой кавалер не хочет угостить тебя мороженым? А заодно и твою лучшую подругу...

– Но сейчас моя очередь! – возразила Марта. – Борко угощал в прошлый раз.

– Ничего подобного, – сказал Борко, – ты что-то перепутала, сейчас моя очередь!

– Нет, моя!

– А вот и нет!

– Кх-кх, – откашлялась Эмма, – вы еще подеритесь! А тебе, мой дорогой Борко, я бы посоветовала действовать как можно быстрее!

– На что это ты намекаешь?

– Ну... говорят, у Витязя столько денег, что он может купить все мороженое в городе.

– Ну и что? – спросила Марта. – Никому не нужно столько мороженого.

– Не знаю, не знаю... Ну так что вы там решили? Кто платит?

– Пусть все решит считалочка, – предложила Марта, – это будет справедливо. Согласны?

– Согласны!

– Нани, нани, Лушка. На Вардаре грушка. Там сидит тетка, говорит: «Селедка».

– Я? – вскрикнула Эмма, когда считалочка указала на нее. – Почему я? Это нечестно! Я в эти ваши детские игры не играю... Давайте еще посчитаемся! Только теперь моей считалочкой!

– Ладно...

– Элелюм-бэлелюм, чим-чим, калелюм, ярма-юрма, трас-трус, бим-беле-бус!

Но и на этот раз считалочка указала на нее, и теперь уже ничего нельзя было поделаться. Эмма поворчала немного, но потом все-таки зашла к «Кариесону» (это была кондитерская напротив школы) и принесла каждому по мороженому.

– Спасибо! – сказала Марта.

– Спасибо большое! – сказал Борко.

– Э, – махнула рукой Эмма и пошла домой.

Марта и Борко переглянулись, и оба подумали: «Больше никаких считалочек».

– Ты чего, Эмма? – крикнул Борко. – Обиделась?

– Я?! Обиделась?! – крикнула в ответ Эмма. – Я никогда не обижаюсь. А вот ты, Борко, радуйся, пока можешь! Скоро Марта о тебе забудет и уйдет к Витязю, понял?

– Ну вот, – сказала Марта, – она в полном порядке, не переживай за нее. Пойдем.

По дороге домой они ели мороженое и стучали друг друга по плечу, когда видели желтых бабочек. Их было особенно много на той липовой аллее, через которую они всегда проходили. Здесь, расположившись поудобнее на одной из скамеечек, сидел милого вида старик и читал газету. Его щегольской костюм был тщательно отутюжен, а белые как снег волосы аккуратно расчесаны.

Марта и Борко поздоровались:

– Добрый день, дедушка Илия!

– И тебе, красавица! И вам, молодой человек! – улыбнулся он им, оторвавшись от газеты. – Что-то я частенько вас

вместе вижу, а?

– Мы одноклассники, дедушка. Дружим...

– Правильно, правильно, – сказал он, – надо везде ходить вместе. Так намного безопаснее. Помню, мы с маршалом Тито³ тоже всегда вдвоем ходили в разведку.

– С маршалом Тито?

– Да, всякое бывало, – пробормотал дедушка Илия, – суровые тогда были времена. Но и сейчас, сами понимаете, надо держать ухо остро, а то мало ли... – тут он посмотрел на небо, – марсиане...

– Какие еще марсиане, дедушка?

– Ох, вам лучше этого не знать, дети. Хорошее дело молодость. Некоторые вещи случаются с человеком один раз в жизни. Так и запомните: один раз в жизни...

Марта и Борко немного растерялись:

– Ну-у, мы пойдем?

– Ох, что это я, – опомнился дедушка Илия, – перегрелся, наверное. Идите, дети, идите и будьте счастливы. После уроков есть что обсудить. Пока, молодежь!

– До свидания, дедушка Илия...

Когда они попрощались и ребята пошли дальше по аллее, этот загадочный старичок улыбнулся, покачал головой и сказал:

– Хорошо... хорошо!

³ Иосип Броз Тито (1892–1980) – военный и политический деятель, президент Югославии.

Несколько минут ребята молчали, не зная, как продолжить разговор. И я их прекрасно понимаю. После того как мой дедушка что-нибудь скажет, я, бывает, целыми сутками молчу. Само собой, он мне желает добра и все такое, но, когда он мне дарит на день рождения плуг и говорит, что я должен научиться пахать, как мои предки, я... просто теряю дар речи.

– Какой же он... – нашелся наконец Борко, – удивительный!

– Не то слово, – сказала Марта, – знаешь, он очень одинок. Мы с ним живем по соседству. Я и в школу еще не ходила, а он уже был очень одиноким.

– А дети? – спросил Борко. – У него есть дети?

– Есть, только они редко к нему заглядывают.

– Да-а... грустно. Я вот своего дедушку и не помню даже.

– А я вот о папе ничего не знаю... – сказала Марта.

Наверное, все мы о чем-нибудь не знаем. В каком году началась Картофельная война? Что чувствовали и о чем мечтали трилобиты? Возможно, есть и такие вещи, которые нам не нужно знать... Но есть и совсем другие вещи, без которых мы не можем спокойно заснуть: до какой температуры стоит нагревать градусник на батарее, когда не хочется идти в школу? Как устроить лучшую вечеринку на свете? Как выучить стихотворение во сне? Как зовут папу?..

– Ну... – замялся Борко, – зато у тебя классная мама, – и бутерброды она делает классные. Вот...

– Так-то оно так... Только вот за спиной у меня постоянно шепчутся.

– Да брось, Марта, не бери в голову...

– Легко сказать! На моем месте ты бы тоже об этом думал. Разве ты забыл, что произошло в сентябре?

– Ты про этого Стево? Да уж...

Друзья снова замолчали. До сих пор непонятно, что за муха тогда укусила Стево, Мартино соседа по парте. Он был немного странным и совершенно лысым мальчиком. На переменах он не бегал и не кричал, и вообще он словно боялся говорить слишком много. Стево обычно сидел себе где-нибудь в уголке и лепил из пластилина, а иногда из гипса.

Когда Марта его о чем-нибудь спрашивала, он скромно опускал глаза и отвечал ей, глядя куда-нибудь в сторону. До поры до времени Марта думала, что он просто такой человек – стесняется ее, и все тут. Но однажды... она поняла, что дело тут совсем в другом.

Заметив, что ему как-то неловко сидеть вместе с Мартой, Эмма предложила ему поменяться с ней местами. И вот тогда Стево посмотрел на свою соседку по парте и, заикаясь, сказал:

– Незако... незако...

Но он не договорил, потому что Марта, само собой, поняла, что он имел в виду. Не медля больше ни секунды, она

влепила ему пощечину...

В классе вдруг стало тихо. Было слышно только жужжание той самой мухи, которая укусила Стево. Таких «аплодисментов» их класс еще никогда не слышал. Все, конечно, знали, что у Марты хорошая реакция: она всегда первая отбивает мячи на волейболе и быстрее всех решает задачки, но чтобы вот так...

Всем вдруг захотелось сквозь землю провалиться (всем, кроме Эммы, само собой, – произошедшее можно было еще целый год обсуждать с подругами). И все-таки было бы очень здорово, если бы можно было вернуться назад во времени и все исправить – Марта и сама это почувствовала, но у нее не было визы для путешествий во времени, так что... Стево схватил рюкзак, бросил в него свои поделки и выбежал из класса.

На следующий день он не пришел в школу... И через два дня тоже. Он вообще больше не появлялся.

Вместо него пришел его отец. Стево неплохо учился, и вся его семья была в замешательстве: что случилось, кто виноват? Стево так никому и не объяснил, что произошло.

– Кто-нибудь мне объяснит, что произошло?! Почему мой сын хочет перевестись в другую школу?

Все молчали.

– Он что-то натворил? Поругался с кем-нибудь? Или, может, моего Стево кто-нибудь обидел?

Тут Марта поднялась со своего места и ответила:

– Я не знаю, почему Стево от нас уходит, нам его будет очень не хватать. Он хороший товарищ, один из лучших учеников в нашем классе. Передайте ему привет от Марты и скажите, что мы будем по нему скучать.

Все, конечно, очень удивились. А Стевин отец, настолько большой человек и серьезный дяденька, что его даже неловко было называть папой, пустил скупую слезу и высморкался:

– Спасибо тебе, девочка! Я ему все передам. Стево у меня упрямый, если ему что-нибудь взбредет в голову, так его потом не переубедишь, но я все-таки попробую... Может быть, он еще вернется.

Но Стево так и не вернулся.

Все это произошло еще осенью. Казалось бы, какое дело весне до осени? Но вот же – есть дело. И хотя кругом по-прежнему летали желтые бабочки и на каждом углу продавали мороженое, а погода была такая, что хоть беги купаться на все теплые моря... Несмотря на все это...

– Ладно, Борко, – сказала Марта, когда они дошли до конца аллеи, – я, наверное, дальше одна пойду.

– Все в порядке? Я что-то не так?..

– Нет, нет, Борко, ты тут ни при чем, просто мне сегодня очень хочется думать. Не обижайся.

Марта говорила правду: в тот день целая философская академия могла бы поместиться у нее в голове. Она многое чувствовала, о многом догадывалась, но кое о чем она даже

не подозревала: все это время за ними шли по пятам фонтанные ребята...

– Ничего, – сказал Витязь, выглянув из-за дерева, – недолго им так гулять осталось.

– Давайте надерем уши этому Борко, – хихикнул Джо и тут же помрачнел, – так надерем, чтобы от него один красный круг остался! Прямо как в вашем последнем фильме!

– Хорош подлизываться! – оборвал его Витязь.

– Давайте его лучше припугнем как следует, – предложил Ник, – запрем в холодильнике на пару часиков...

– А потом достанем и поджарим, – облизнулся Пантера.

– Тихо вы, – шикнул на них Витязь, – этот цыпленок мне страшно надоел, это правда, но ошипывать мы его не станем. Зачем? Мне до него нет никакого дела, а что до Марты... Будьте спокойны: у нее скоро появится новый рыцарь.

Papa Was a Rollin' Stone

С каждым днем Марта становилась все задумчивее и задумчивее. «Разве это справедливо, что у меня нет папы? По моему, совсем несправедливо, – говорила она себе, – мне кажется, если бы он у меня был, все стало бы намного проще. Утром он бы возил меня в школу на своей машине, а вечером смотрел бы футбол и рассказывал о тех странах, из которых приехали футбольные команды... Если бы все было так, я бы никогда не опаздывала, а еще я бы тогда была самой умной. От этого ведь на самом деле очень многое зависит: есть у тебя папа или его нет. Если бы он вдруг появился, я бы, наверное, так обрадовалась, что открыла бы новый материк или научилась летать...»

Вот так и тем вечером она сидела за столом и читала, не понимая ни единого слова... а за окном шел дождь. Капли стучали по крыше, и Марта думала о том, что должна бы зажмуриться от удовольствия, завернуться в плед – ей всегда очень нравился дождь. Он напоминал ей картинку из детской книжки про Южную Америку, на которой были нарисованы джунгли и выглядывающие из них зверушки, которые всем своим видом показывали, как они рады тому, что вот-вот упадут первые дождевые капли.

Но теперь все было по-другому. Марта и сама не понима-

ла, почему так. Мало ли невеселых мыслей передумала она за свою жизнь? Иногда ей ставили четверки. Случалось, она падала на катке. И все-таки это было совсем не то, что нахлынуло на нее сейчас, обступило со всех сторон и не отпустило.

– Марта, – позвала мама, – ужинать!

– Я не голодная. Давай лучше... поговорим.

– Ну что ж... – вздохнула мама. – Давай.

– Скажи, я маленькая или взрослая?

– Как тебе сказать... Ты сейчас и не маленькая, и не взрослая.

– Это не ответ, мам.

– Что поделать, другого у меня нет!

– А почему?

– Потому что я иногда и про себя не могу сказать, что я взрослая.

– Опять хитришь! Разве я многого прошу?

– Ну что ты заладила одно и то же!

– Я жду ответа...

– Хорошо, хорошо, – сдалась Бисера, – что с тобой будешь делать... Это правда, ты уже не ребенок. А ведь, кажется, еще вчера...

– Значит, я уже взрослая?

– Да... – развела руками мама, – выходит, что так.

– А раз так, будем и говорить теперь, как взрослые!

– Ох, этого я и боялась... Знаю я, к чему ты клонишь.

Хочешь, чтобы я рассказала про твоего папу...

– О-о-о, – сказала Марта, – а откуда ты знаешь?

– Я... эээ... – смутилась Бисера, – предчувствие у меня было такое. И вообще...

– Предчувствие, значит, да? – спросила Марта с видом хитрого детектива.

– Да! – ответила мама. – Предчувствие. Я и сама уже давно собиралась с тобой об этом поговорить.

Нелегко ей было начать этот разговор. Наверное, у многих из нас есть такие воспоминания, которые на самом деле и воспоминаниями назвать трудно, потому что их каждый день переживаешь заново. Ты, может быть, уже и не хочешь их переживать, но все равно переживаешь и ничего с собой не можешь поделать. Люди вокруг думают, что ты хмурая тетенька и работаешь где-нибудь в банке, а ты в это самое время плывешь по реке воспоминаний и все никак не можешь остановиться, потому что ты вовсе не хмурая тетенька, а золотая рыбка, которая может исполнить сколько угодно чужих желаний, но помочь себе... Это намного сложнее.

Наверное, в ту минуту глаза у Бисеры как-то особенно заблестели, и Марта пошла на попятную:

– Если ты не готова, можем...

– Ничего мы откладывать не будем, – перебила ее мама, – я и так все постоянно откладываю.

– И?.. – спросила Марта. – Как зовут моего папу?

Бисера вдохнула поглубже и сказала:

– Ты, наверное, не поверишь, но его зовут Мартин. Мартин Горски. Я назвала тебя в его честь.

– Ого... А он жив?

– Да. Думаю, у него все хорошо.

– Тогда все ясно. Он тебя бросил?

– Нет.

– Ты его бросила?

– Нет... Не знаю.

– Зато я знаю! Ты просто хочешь его выгородить. А на самом деле он во всем виноват. Так всегда бывает!

– О господи, – сказала Бисера, – и где ты этого начиталась? Все было совсем не так.

– Если бы он любил тебя, то приехал бы! Хотя бы для того, чтобы со мной познакомиться.

– Понимаешь, Марта, он ничего о тебе не знает.

– Не знает?! – возмутилась Марта. – Как? Он еще и не знает, что у него есть дочь?!

Бисера кивнула.

– Но это невозможно!

– К сожалению, возможно... Мы были одноклассниками, – сказала она, немного помолчав. О нем говорили, что он самый умный мальчик в школе, а меня называли первой красавицей... Мы всегда были вместе, и я почему-то думала, что так будет всегда. Он даже хотел жениться на мне, но его родители ему запретили. Они сказали, что он еще слишком молод, что ему нужно учиться и что я буду его отвлекать. А

когда он окончил школу, родители отправили его куда-то за границу. Кажется, в Швейцарию. Не помню уже, – слукавила Бисера. – Перед расставанием он сказал мне, что мы поженимся, как только он вернется. Он говорил правду, я это знаю... Но еще я знаю, что его родители не простили бы ему этого. Мартину пришлось бы многим пожертвовать ради меня, а я этого не хотела...

– Но почему? – удивилась Марта. – Мальчики, то есть мужчины, они ведь просто обожают чем-нибудь жертвовать. Они же просто созданы для этого!

– Может быть, может быть, – улыбнулась Бисера, – только вот я была очень гордая. Не хотела навязываться... Детство у меня было не очень веселое. Я ведь тебе рассказывала про тетю Донну?

– Нет. Кажется, нет.

– Ну, как-нибудь потом расскажу. Мне тогда часто бывало одиноко и страшно. Я боялась, что все просто поиграют со мной, а потом бросят. Знаешь, как говорят: обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду... Я не поверила Мартину, не поверила, что он вернется ради меня. А ведь он был такой хороший, такой честный... Просто я вдруг почувствовала себя недостойной его. Он умный, талантливый из хорошей битольской⁴ семьи. А я? Кто я такая? В общем, я решила уехать и осталась здесь, в Скопье. Не хотела, чтобы он из-за меня ссорился со своей семьей. Даже когда я узнала, что у

⁴ Битола – город на юго-западе Северной Македонии.

меня родишься ты, я все равно не стала возвращаться назад, не стала его искать...

Марта просто не могла поверить своим ушам.

– Знаешь, – сказала она, – ты только не обижайся, мам, но, по-моему, это все как-то глупо.

– Да... Наверное. Но я не могла поступить по-другому! Как подумаю, что навязываюсь, мешаю кому-нибудь...

– Но, мам, он же хотел на тебе жениться! Поверить не могу, что можно быть настолько гордой.

– Маленькая ты еще...

– Эй! Кто мне только что сказал, что я взрослая? И вообще, если быть взрослой – значит понять, почему люди, которые любят друг друга, до сих пор не вместе, я лучше навсегда останусь маленькой!

– Ты права, Марта. Ты права... Ну да ладно. На сегодня хватит. Что-то я совсем расклеилась. Еще подумаешь, что у тебя мама – плакса, которая только и умеет, что жаловаться и ворчать... Ужин на столе. Приходи, как дочитаешь.

С этими словами мама отвернулась и пошла на кухню, где еще долго чем-то шуршала. Наверное, искала салфетки.

Ленора

Той ночью Марту мучил всего один вопрос... Нет, нет, на этот раз другой: как перестать думать и наконец заснуть?

Дождь по-прежнему стучал по крыше, да так настойчиво, как будто просил, чтобы его пустили переночевать. И не лень ему было стучать? Все равно ведь никто не откроет. Обычно этот звук убаюкивал Марту, но теперь он казался ей барабанным боем.

Перед сном, как обычно, мама пришла к ней и сказала:

– А теперь пора спать. Сладких снов.

– Ага... – ответила Марта, – сладких.

– Что-то не так? Я тебя расстроила?

– Нет, – пробурчала Марта, – все в порядке.

– Ну-ну... вижу. Не надо мне было...

– Что значит «не надо»?!

– Просто ты еще не готова, Марта...

– Не готова к чему? Ты еще что-нибудь от меня скрываешь?

– Так, – нахмурилась Бисера, – все, я гашу свет. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Бисера щелкнула выключателем, но еще долго стояла в дверном проеме и смотрела в темноту: «Конечно, я виновата».

та, очень виновата. Если бы я тогда осталась в Битоле, все было бы по-другому. Он бы сейчас тоже стоял здесь со мной. Мы бы на цыпочках приходили к Марте в комнату, чтобы подоткнуть одеяло... Впрочем, все это глупости. Теперь уже слишком поздно. Он тогда, наверное, подумал, что я убежала с другим... Вот смешной. Наверное, поплакал немного и успокоился. Теперь живет себе в Швейцарии и в ус не дуется. Что же, все правильно, все справедливо...»

Они обе долго не могли заснуть той ночью. Все ворочались с боку на бок, разглядывали что-то на стенах и на потолке, слушая завывания ветра. Он пришел откуда-то с гор и теперь ходил по улице, веселился, свистел, буянил. «Вот было бы хорошо, – думала Бисера, – если бы я могла открыть окошко и отдать ветру всю свою грусть, чтобы он унес ее далеко-далеко, чтобы и не вспомнить было, из-за чего я грустила. А так... шумит себе без толку, только спать мешает».

Да... Ветер и дождь бывают очень разными. Иногда я иду по улице, и вдруг подует ветер... А я даже не знаю, в чем тут дело: то ли я влюблен, то ли меня любят, только мне вдруг покажется, что если расправить плечи и взмахнуть руками, как крыльями, то обязательно взлетишь. Вот бы тогда удивились все мои родственники и друзья. Они бы посмотрели наверх и почесали затылки:

– Вот так штука! Теперь придется нам засучить рукава: этому скворцу будет нужен очень большой скворечник.

Вот и с дождем то же самое. Порою льет как из ведра, а я иду себе, напеваю какую-нибудь песенку. Прохожие раскрывают зонтики или прячутся под навесы, а я, мокрый как курица, улыбаюсь и пританцовываю, – прохожие только пальцами у висков крутят.

– Вот до чего долетался, – говорят они друг другу, – ишь, храбрый какой! Ничего-ничего, вот простудится, так заплачется.

А я, может быть, и в самом деле простужусь и целую неделю проваляюсь в кровати, но ни на секунду не пожалею, что вышел тогда без зонтика, что напевал, насвистывал и пританцовывал. Да... по-разному это бывает.

Вместе с ветром и вместе с дождем на Илинденскую улицу приходили какие-то странные сны. Тем бабушкам, которых Марта встретила утром, снились замки с высокими башнями и скучающие в них принцессы, которых одну за другой проглатывали тираннозавры... Дедушка Илия той ночью, как всегда, хотел немного прогуляться, но из-за дождя остался дома, заснул и увидел маршала Тито во всем его блеске... верхом на марсианском кузнечике. Вот и к Марте тоже пришел странный сон, тягучий и вязкий, как расплескавшаяся над городом ночь.

Будто бы она сидит в пустом классе, и кругом тихо-тихо... Она выходит в коридор, но и там ни души. «И куда это все подевались? Неужели прогуливают?» Она поднимается

и спускается по лестницам, заходит в классы, но везде одна и та же картина – пусто, хоть шаром покати. «Наверное, я слишком рано пришла, надо просто немного подождать». Марта смотрит на часы и понимает, что уже не так и рано... Скорее наоборот – уроки должны были бы давно закончиться, но тогда что она делает в школе? Почему не идет домой? Она смотрит в окно, и ей вдруг становится очень страшно – за окном ничего не видно. «Этого не может быть. Что я здесь делаю в такое время?» Марта хочет бежать со всех ног домой, но тут в другом конце коридора она видит какую-то фигуру.

– Папа, – кричит она, – это ты? Папа! Тебя что, вызвали в школу?

Но фигура убегает и прячется от нее. Марта идет за ней следом, с одного этажа на другой. То и дело ей кажется, что она вот-вот настигнет этот расплывчатый силуэт, но в последний момент он ускользает от нее.

– Папа, подожди, – кричит она, – папа, это же ты? Скажи, что это ты!!

Ни слова в ответ. Подкравшись на цыпочках к одному из классов, фигура шмыгает внутрь и закрывает за собой дверь. Марта не может понять, в чем дело, и, чтобы во всем разобраться, подходит поближе. Ближе и ближе, и вот наконец, припав к замочной скважине, Марта смотрит и видит, как фигура снимает с себя пальто и перчатки, снимает с себя пиджак, и вот перед ней уже не фигура и не смутный силуэт,

а одни лишь кости. Марта вздрагивает, хочет бежать, но не может: с другой стороны на нее смотрит скелет...

Тут Марта проснулась и еще долго не могла отдышаться. «Да уж, – подумала она, – вот и заводи после этого серьезные разговоры с мамой, да еще на ночь глядя». Марта медленно поднялась, все еще боясь, что ее кто-нибудь схватит и утащит за собой: «Как же хочется пить, как будто бы я марафон пробежала».

Она открыла дверь своей комнаты и пошла на кухню, но, сделав несколько шагов, остановилась – на кухне горел свет. «Этого еще не хватало, скелет и к нам домой забрался». Но протерев глаза, Марта вздохнула с облегчением:

– Привет...

– Привет, Марта. Не спится?

– Угу... И тебе?

– Да... перебираю вот старые фотографии. Все равно не могу уснуть.

Тут только Марта заметила, что на коленях у мамы лежит старый потрепанный альбом.

– Ух ты, – сказала она, – что это? Фотографии всех наших предков?

– Не совсем, – ответила Бисера, – только наши с Мартином.

– Хм... а зачем же ты их перебираешь? Мне казалось, ты не хочешь о нем думать.

– Сложно объяснить... Я почти забыла, что у меня есть

этот альбом...

– А теперь вот решила посыпать соль на рану!

– Ну все, хватит, не гунди! Хочешь посмотреть?

– А можно?

– Само собой! Я здесь молодая, красивая, совсем как ты.

Они и правда были очень похожи. С фотографий Марте словно бы улыбалось ее отражение. Как если бы она прожила целую жизнь, которую потом взяли и стерли из ее памяти... Вот она у часовой башни в Битоле, вот она на вершине Пелистера⁵...

– Мама, – спросила Марта, листая альбом, – кто это? Неужели это он?

– Да, он самый.

– А это? Это что такое? – чуть не вскрикнула Марта. – Мотоцикл?

– Ну да, – засмеялась Бисера.

– Получается, что ты каталась на мотоцикле?

– Мартин с ним никогда не расставался, а я никогда не расставалась с Мартином, так что...

– А помнишь, мне Борко предложил подвезти меня на велосипеде? Ты тогда замахала руками и сказала: «Ни в коем случае! Вдвоем на велосипеде – это очень опасно!» А сама ты, выходит, на мотоцикле гоняла!

– Просто... у меня тогда никого не было – никого, кто бы

⁵ Пелистер – третья по высоте гора Северной Македонии (2601 м), у подножия которой находится Битола.

мне сказал: «Ни в коем случае!» Я ведь о тебе забочусь! – оправдывалась Бисера.

– Да-да, конечно... Кстати, ты, кажется, говорила, что папа был самым умным мальчиком в школе.

– Все верно. А что?

– Разве самый умный мальчик в школе станет кататься на мотоцикле?

– Почему бы и нет? Он всегда водил очень аккуратно, а когда мы ехали по городу, он рассказывал мне о домах, о церквях и мечетях, которые мы проезжали... Он столько всего знал. Например, он говорил мне: «Бисера, гляди, это мечеть Ени, она была построена в 1558 году по приказу битольского кади Махмуда-эфенди». А я ему говорю: «Мартин, ты не хочешь меня чем-нибудь угостить?», а он продолжает: «Не слышу, Бисера, ветер в ушах свистит. Высота этой мечети девятнадцать метров! А ее минарета – целых тридцать девять! Представляешь? Тридцать девять метров...» Вот так... он был не только самым умным, но и самым внимательным парнем на свете.

Тут Марта немного повертела в руках одну из фотографий, пригляделась к нему как следует, и его лицо вдруг показалось ей очень знакомым.

– Знаешь, мам, – сказала она, – по-моему, я его уже где-то видела.

– Может быть, во сне?

– Нет, нет, точно не во сне. Сто процентов... Мам, а давай

позовем его в гости!

– Не думаю, что он захочет меня видеть...

– Но почему? Что, если он, как и ты, сидит сейчас и перебирает старые фотографии?

– Это вряд ли. У него уже, наверное, своя семья. Зачем мне его отвлекать?

– Ну сколько можно?! Может быть, он все еще скучает по тебе.

– Делать ему, что ли, нечего? К тому же у меня нет ни адреса, ни телефона...

– А его родители?

– Ну уж нет! Это исключено. Закрыли тему. Одно из двух: или мы смотрим фотографии, или идем спать.

Марта пожала плечами, но все-таки выбрала фотографии – ей совсем не хотелось возвращаться к тому скелету. А фотографии, хоть и были черно-белыми, показались ей той ночью радугой после дождя. Вот только на самом деле... все это было затишьем перед бурей, которая приближалась с каждой секундой, и уже можно было слышать отдаленные раскаты грома.

Король, дама, валет

Май в том году был просто удивительный (кажется, я уже говорил об этом, но еще раз повторю). Не май, а вишенка на торте. Выходишь утром на балкон, потягиваешься и чувствуешь себя и сонным, и невыспавшимся, зато таким счастливым, что, кажется, на целую жизнь хватит твоего счастья. Город перед тобой весь так и сияет, как будто бы у него день рождения и он пригласил к себе тысячи солнечных зайчиков.

Еще немного, и можно будет присоединиться к их проделкам! Можно будет гулять весь день, читать по диагонали, да хоть на голове ходить – никто тебе и слова не скажет. Можно будет улететь в космос, построить дом из сахарной ваты, снять фильм о морских чудовищах – да что угодно: миллионы идей и целое лето в твоём распоряжении. Больше никаких тебе ранних подъемов – если и придется встать ни свет ни заря, так только для того, чтобы сбежать из дома! Никакой домашки – разве только по вымышленным предметам. И вся эта новая волшебная жизнь – она не где-нибудь там, она уже здесь, за углом!

Вот и Марта пыталась так думать, но... без особых успехов. С каждым днем она все больше и больше погружалась в себя, как батискаф в Марианскую впадину. Раньше она и не знала, что можно так глубоко погружаться... По дороге

в школу, на уроках и на переменах она была где угодно – только не там, где ей сигналили машины, где ее вызывали к доске и где ее спрашивали о том, какие у нее планы на лето.

Она снова и снова видела перед собой того красивого парня из мамино альбома, который не только не знал, как ее зовут, но и не догадывался о ее существовании: «Наверное, мама все-таки права. Ему до нас нет никакого дела. Он живет там в своей Швейцарии, ест сыр, шоколад и на каждой руке носит по три пары часов. А я тут сижу на химии без сыра, без шоколада, зато с металлами и неметаллами, оксидами и кислотами».

– Марта, что я сейчас сказала? – спросила ее вдруг Прекрасная Анна.

– Вы сказали, что при сплавлении оксида цинка с гидроксидом калия образуется цинкат калия и вода.

– Хм-м, все верно. А что я сказала до этого?

– А да этого вы сказали, что амфотерные оксиды, взаимодействуя с щелочью, проявляют кислотные свойства.

– Хм-м, опять верно. Повторите, пожалуйста, данное мной определение основных оксидов.

– Основные оксиды – это такие оксиды...

– Ага, – обрадовалась Прекрасная Анна, – в моем определении не было слова «такие». Да что с тобой сегодня такое? Ты меня совсем не слушаешь?

– Ей сейчас не до этого, – сказала Эмма, рассматривая свои ногти, – у нее другие дела есть, поважнее.

– А тебя, Эмма, никто не спрашивал! Кстати... какой у тебя симпатичный лак! Потом скажете, где купили! Так вот... О чем это я? Ах да! Знаю я эти ваши дела. Вместо того чтобы ставить опыты и проводить эксперименты, вы в кого-нибудь влюбляетесь. А наука? Науку кто будет развивать? Я понимаю – другие, но ты, Марта, ты-то куда? Что с тобой происходит в последнее время?

– Ничего не происходит, – сказала Марта, – я ведь правильно ответила на ваши вопросы...

– Ага! – воскликнула Прекрасная Анна. – Ты еще и дерзишь! Это уже интересно.

– Прошу прощения, – не выдержал Борко, – может, перейдем к практике? Покажите нам, пожалуйста, опыты – вы давно обещали. Растворите чего-нибудь...

– Главное – не кого-нибудь. Бедный Дойчин...

– Кстати, он до сих пор болеет? Вы, случайно, не знаете, когда он поправится? Три года уже прошло...

– Да что же такое-то! Вам всем лишь бы языком чесать. А делом-то кто будет заниматься? Менделеев? На вас, дети, нервов не напасешься! А все из-за чего? Все из-за ваших влюбленностей! Вы, наверное, думаете, что это серьезно, это навсегда, а это просто гормоны! Это они в вас играют...

– Извините, – поднял руку Ацо, – как это «играют»? Во мне, например, ничего не играет.

– И во мне тоже, – сказал Гоце.

– Играет, играет, – заявила Прекрасная Анна, – вы просто

этого не замечаете! Даже во мне они когда-то играли, но с тех пор уже прошло много лет.

Хм-м... Возможно, так оно и было. Единственное, в чем можно быть уверенным наверняка, так это в том, что урок химии прошел незаметно и... как обычно. Разве что незадолго до звонка с улицы донесся рев мотоциклов, к которому, впрочем, многие уже успели привыкнуть. Многие, но не Эмма.

– Витан, – шепнула она Марте, – Витязь во дворе!

– Мне-то что?

– Как что? Почему ты не понимаешь? Это же самый крутой парень в городе.

– Тихо! – сказала Прекрасная Анна. – Мы еще не закончили.

Но тут наконец прозвенел звонок, и Прекрасная Анна бессильно развела руками: «И куда только летит время? Мы ведь только начали...»

Но никто уже не обращал на нее внимания, потому что перемена не может длиться вечно, а это значит, что нужно успеть как можно больше. Нужно перекусить, нужно поболтать со всеми, с кем хочется поболтать, побегать по коридорам, а если очень постараться, можно даже разбить какое-нибудь окошко.

Одной только Марте было не до этих прелестей и красот перемены. Она никуда не пошла и осталась сидеть на своем месте. А все потому, что она вдруг почувствовала: на самом

деле ей бы очень хотелось спуститься вниз и выйти во двор... Так, из чистого любопытства. Но она решила быть твердой, как алмаз, и не поддаваться своим желаниям. Кто знает, может быть, у нее внутри и впрямь играет что-нибудь эдакое? «В конце концов, кто он такой, этот Витязь? Больно он мне нужен».

– Ну, пойдем! Чего ты ждешь? – уговаривала ее Эмма. – Знаешь ведь, что он ради тебя приехал. Не будь как маленькая!

– Я тебе уже сказала, Эмма, он меня не интересуется и... точка! Поняла?

– Да ты посмотри, какой он! Это же просто... Просто... Я бы ни секунды не раздумывала! Ты хоть понимаешь, что теряешь?

– Ну хватит, Эмма! Ну пожалуйста.

– Ладно, ладно, – сдалась Эмма, – уйду, уйду.

Она и впрямь, гордо подняв голову, вышла из класса. Едва дойдя до лестницы, она побежала вниз, но, к сожалению, опоздала... Мотокросс во дворе уже закончился. «Тьфу! Чтобы я еще раз стала ее уговаривать, – подумала Эмма, – да ни за что!»

Вместе со своим мотоциклом Витязь стоял у ворот и внимательно разглядывал каждого, кто выходил из школы. Когда к нему уверенным шагом направилась Эмма, он сложил руки на груди и спросил:

– Ты за автографом, да? Где расписаться?

– Я? За автографом? – возмутилась Эмма. – К тебе? Еще чего!

(Честно говоря, ей бы очень хотелось получить этот автограф, но, как настоящая леди, она не собиралась отвечать на такого рода вопросы.)

– Глядите-ка, маленькая, а кусается. Ты, случайно, не Малышка Мю?

– Что? Что ты сказал? А ну повтори!

Тут Витязь немного опешил. С ним еще никогда так не разговаривали.

– Хорош ломаться, малявка, давай уже говори, чего хотела: «Ты самый классный, Витязь. Я тебя обожаю».

– Чего? Чего?

– Давай, не стесняйся, я же знаю, зачем ты ко мне подошла. Все подходят и говорят одно и то же.

– Во-первых, – сказала Эмма, – я не малявка. А во-вторых, мне на тебя плевать, понял!

(Честно говоря, Эмма несколько искажала действительность, но что ей еще оставалось делать в такой ситуации?)

– А я смотрю, ты языкастая, – усмехнулся Витязь, – кроме тебя, мне все девочки в этой школе уже признались в любви. Атанасия, Бистра, Благица, Благуна, Блаженка, Йовка...

– Неправда, – заявила Эмма, – по крайней мере, одной моей однокласснице тоже на тебя плевать. И очень глубоко плевать! Мне вот, например, не очень, а вот ей...

– И что же это за одноклассница такая? – спросил он.

– Не притворяйся! Ты прекрасно знаешь, как ее зовут. Ты ведь из-за нее сюда каждый день приезжаешь! Только можешь не стараться. Чихать она на тебя хотела, понял? И чихать, и кашлять!

– Да понял я, понял. С чего ты это взяла?

– Ха, – усмехнулась Эмма, – с чего? Да она мне сама сказала!

– Врешь! Быть этого не может!

– Да ты сам подумай, она на тебя даже не смотрит! Если бы она хотела с тобой познакомиться, она бы сама к тебе подошла. То есть я тоже к тебе подошла, но я не знакомиться подошла. Нет! Я хотела тебя предупредить...

– Что? Предупредить? Меня? Да ты в своем уме?

– Выбрось ты из головы эту Маргу! А то...

– А то что?

– А то... – Эмма посмотрела по сторонам и увидела Борко, который как раз шел по двору с двумя шоколадками, – а то он тебе так накустыляет, что по тебе можно будет изучать цветовой спектр.

Тут Витязь засмеялся и подумал: «А ведь у нее есть чувство юмора. Можно было бы с ней разок прокатиться... Жаль, что у меня сейчас другие планы».

– Боюсь, боюсь, – сказал Витязь, – он от меня и мокрого места не оставит. Вон, гляди, какой спортсмен, даже питание у него спортивное. Двойная порция.

– А это он не для себя, – пропела Эмма, – это он для Мар-

ты. Знает, что она сейчас одна в классе сидит. По уши в нее втрескался.

– И она в него? – осторожно спросил Витан.

– И она в него. Так втюрилась, что, наверное, по ночам не спит и только повторяет: «Борко, Борко...» Поэтому вот тебе мой совет: забудь ты эту Марту! Что ты в самом деле? Как будто бы в мире нет других девочек...

– А ты смешная, – хлопнул ее по плечу Витязь, – чтобы я перед чем-нибудь отступил? Да никогда! Чао, малявка! Может, еще увидимся.

Он завел мотор, махнул ей на прощанье и умчался вдаль... как будто его и не было. А Малышка Мю... то есть Эмма, еще долго, до самого звонка, стояла у ворот школы, и у нее в глазах, а потом и на щеках происходило что-то невероятное – такого наводнения Македония еще не знала.

Тем временем Борко вернулся в класс и положил перед Мартой шоколадку:

– Я тебе шоколадку принес, – сказал он.

– Спасибо, не нужно было...

– Возьми и ешь. Сегодня моя очередь тебя угощать.

– Мне не хочется.

– Что-то случилось, Марта? – спросил он. – Раньше с тобой такого не было...

– Может, ты просто не замечал?

– Это вряд ли. С некоторых пор я все замечаю, что с тобой связано.

– С некоторых – это с каких?

– Ну вот помнишь, как ты поскользнулась в столовой, а я тебя поймал? А потом я тоже поскользнулся и упал на Гоце? А потом Гоце...

– Помню, помню, – перебила Марта, – это же в первом классе было!

– Ну да... Ты тогда еще несла клубничный кисель, кружка разбилась, и он разлетелся по всей столовой – все вдруг стали такие красивые! Вот тогда-то я и понял, что стану художником...

– Н-да... – сказала Марта, – так и напишу в твоей биографии.

– Это подождет, а вот с тобой-то что? Ты хорошо себя чувствуешь?

– Не знаю, Борко. Давай лучше поговорим об этом после уроков.

– Жизнь так коротка, – театрально вздохнул он, – оглянуться не успеешь...

– Хорошо, хорошо, убедил. Рассказываю: вчера я узнала правду.

– Какую правду?

– Ту, которую уже очень давно хотела узнать.

– Погоди, – сказал Борко, – ты знаешь, кто убил Кеннеди?

– Нет! При чем здесь это? Я узнала, как зовут моего папу.

– А-а-а... Вот оно что. И как же его зовут?

– Мартин. Мартин Горски.

– М-м-м... И где он сейчас? Чем занимается?

– Он архитектор, а где он, я не знаю. Возможно, в Швейцарии. Мама говорит, что он уехал туда учиться, но не знает, вернулся ли он.

– Вот как...

– Многие из наших там остаются. Может быть, и он тоже...

– И что ты теперь собираешься делать? – спросил он, пряча обе шоколадки в карман.

– Как что? – удивилась Марта. – Думать и злиться. Вот что я буду делать.

Бабушка in da house

Непростое это дело – дарить надежду. До самого конца уроков Борко думал, как ему поступить. Если он сейчас скажет Марте, что может ей помочь, а потом не поможет – это будет не очень хорошо. Если уж взялся за гуж, так не говори, что не дюж. С другой стороны, если он сейчас промолчит и ничего не скажет, Марта так и будет грустить, а это, согласитесь, тоже не очень хорошо...

Все тогда были немножко рассеянны, немножко потеряны, немножко здесь и немножко там. Войданка скучала, Виолета спала, а расстроенная и на всех обиженная Эмма прислушивалась к звукам улицы и шикала на птиц, когда те мешали ей слушать. В общем, тоска зеленая! Одни только Ацо и Гоце не скучали.

– Ничего у меня не играет, – шептал один другому.

– У тебя-то как раз играет, а вот у меня...

Всем уже было не до учебы, оно и понятно. Я вообще считаю, что уроки в мае должны быть запрещены Женевской конвенцией. Кругом такая красота, что просто голову от нее теряешь, а тебя по-прежнему заставляют зубрить имена жен Генриха VIII. Кому они, спрашивается, нужны? Они даже Генриху VIII, как оказалось, были не очень-то нужны. Или какие-нибудь там палатализации: первая, вторая, третья...

Да сколько можно, в конце концов! Это уже как-то несерьезно.

Почему, например, негуманное обращение с детьми запрещено, а уроки в мае разрешены? Где тут, спрашивается, логика? Куда смотрит Гаагский трибунал? У него прямо под носом издеваются над детьми, а ему хоть бы хны!

И вот пожалуйста, полюбуйтесь: старая и мудрая историчка опять рассказывает о том, чего никогда не видела. Физик и вовсе говорит о том, чего никто не видел. Англичанка уже сама себя не понимает... Ну да ладно, скоро и у них опустятся руки, и они вспомнят, как же сильно они устали за этот год.

– Слушайте, – скажет тогда историчка, – а может, хватит с нас учебников, а? Давайте лучше устроим суд над Генрихом VIII!

Вместо физики будут экскурсии в космос, а вместо английского – чаепитие на английском. Но все это будет потом, если вообще будет, а пока... нужно было решить: дарить надежду или не дарить.

И после уроков Борко наконец решился:

– У меня недавно бабушка вернулась из Швейцарии, – сказал он.

– Понятно. И что она там делала?

– Ну как что? – удивился Борко. – Что все бабушки делают в Швейцарии?

– Не знаю... В санаторий какой-нибудь ездила?

– Не, она бегала по Альпам и ловила овечек, чтобы связать мне свитер.

– Ха-ха, очень смешно.

– Конечно, в санаторий, куда же еще! Я тут подумал... вдруг она что-нибудь слышала про твоего папу!

– Да ну. С чего бы это? Швейцария – все-таки не деревня.

– Ты не знаешь мою бабушку! Там, куда она приезжает, тут же вырастает деревня.

– То есть? Как это?

– Она мигом собирает вокруг себя всех македонцев в радиусе ста километров и делится с ними своими старинными рецептами, а по вечерам они поют народные песни...

– Ну? А мой папа? Он-то здесь при чем?

– Может быть, и ни при чем, но нельзя недооценивать мою бабушку. Давай я у нее спрошу на всякий случай?

– Спрашивай, если хочешь, – равнодушно ответила Марта, – вряд ли это поможет, но все равно спасибо.

На аллее их пути снова должны были разойтись. Борко чувствовал, что Марта хочет остаться одна, и, значит, все осталось по-прежнему. Марта слушала его вполуха, отвечала невпопад, и он даже не знал, о чем бы таком с ней заговорить, чтобы хоть немного ее утешить. Как бы он ни шутил, какие бы веселые истории ни вспоминал – ничто не помогало, хоть караул кричи.

– О-о-о! – крикнул вдруг дедушка Илия. – Привет, ребята!

– Здравствуйте, – поздоровался Борко.

– Ну что? Как дела? Чем занимаетесь?

– Да вот... Домой идем.

– А коммунизм?

– А что коммунизм?

– Коммунизм строите?

– Да как вам сказать... Мы пока только учимся.

– Ну, учитесь, учитесь, – сказал старик, – я вот на днях марсианина видел. Такой, знаете, головастый – семи пядей во лбу!

– Ну и зачем вы все это, – резко спросила Марта, – зачем вы все это говорите?

– Ты чего, Марта? – шепнул ей Борко. – Вы нас извините, дедушка Илия, мы, наверное, пойдем. Вы уж извините...

– Нет никаких марсиан!

– Нет? – спросил дедушка Илия и удивленно поднял брови.

– Нет! – ответила Марта.

– Но как же так? Вчера вот на ужине у маршала Тито...

– Не было никакого ужина у маршала Тито! Все! – выпалила она и быстро пошла прочь.

– Подожди, – сказал Борко, – хочешь, я тебя провожу!

Но Марта ничего ему не ответила. Она даже не обернулась.

– Не пойму, что такое. Все было в порядке. Может, не совсем в порядке, но...

– Женщины... – протянул дедушка Илия, – они такие,

Борко... взрывоопасные...

– Вы на нее, пожалуйста, не обижайтесь. В последнее время она сама на себя не похожа.

– Да я и не обижаюсь. Марта ведь для меня как родная. На моих глазах выросла! Кажется, еще вчера она была совсем крошкой, и Бисера ее катала в коляске по двору, – как она ревела! Ты бы слышал...

– Кто? Тетя Бисера?

– Да нет же! Марта. Только мои сказки и песенки о маршале Тито могли ее успокоить. Бисера толкала коляску, а я рассказывал Марте о том, как жил Иосип Броз...

– Это очень интересно, дедушка Илия. Понимаете, тут такое дело: Марта недавно кое-что узнала, а моя бабушка вернулась из Швейцарии...

– О-о-о! Какая у тебя бабушка! Швейцарка?

– Нет, зато работает как часы. Мы ей все говорим: присядь, отдохни, а она все равно жарит, парит, муку просеивает, скоро у нас дома мельницу построит!

– Да... Вот это женщина, – покачал головой дедушка Илия.

– В общем, я побегу, мне очень нужно ее кое о чем спросить... До свидания!

– Пока, пока, Борко, – крикнул ему вслед дедушка Илия и запел на прощанье басом:

– У бој крените јунаци сви

*Крен'те и не жалте живот свој
Цер нек види строј, Цер нек чује бој...⁶*

А бабушка Перуника, полная розовощекая старушка, уже давно поджидала Борко. Утром он так быстро убежал (неужели вдруг полюбил учиться?), что бабушка Перуника не успела ему и двух слов сказать. Весь день она разбирала свои огромные сумки и доставала из них гостинцы, которым, казалось, конца-края не будет. Когда Борко пришел домой, он увидел странную картину: папа лежал под горой швейцарских носков, а мама – под айсбергом швейцарских духов.

– Ну и что мне теперь с этим делать? – ворчал папа. – Я же за всю жизнь не надену столько носков! А самое главное – как мне отсюда выбраться?

– Нет, – сказала мама, – самое главное – как я теперь буду все это убирать! Вместо двух носков ты теперь станешь разбрасывать тысячи!

– Ах, значит, я виноват, да? А ведь это все из-за твоей мамы!

– Из-за моей мамы?! Да как тебе не стыдно!

Борко поздоровался с родителями, поздоровался с младшим братом Милче, купавшимся в море швейцарских конфет, и подошел к бабушке:

– Привет, – сказал он, – можно...

– Внучек! Ты вернулся! Я же ничего не успела тебе пода-

⁶ Начало сербского военного марша «Марш на Дрину».

ритель.

– Это подождет, бабушка, я хотел...

– Нет, нет, потом ты опять убежишь. Вот, смотри, что я тебе привезла: пряники – двадцать пять штук, держи. Мягенькие – тают во рту! Вот музыкальные шкатулки – семь штук, у всех разные мелодии. Колбаса. Белое сухое... А, нет, погоди, это уже не тебе.

– Бабушка! Послушай, ты, случайно...

– Думаешь, я могла забыть про швейцарский сыр? Обижает, Борко! Он, конечно, не так хорош, как тот, что делали у нас в деревне, ну да ничего, сойдет. Вот тебе эмменталь, грюйер, шабцигер и аппенцилер...

– Я хотел...

– Шоколад? Есть и шоколад! Вот тебе «Виларс», вот тебе «Мовенпинк», а вот и «Камиль Блох».

– Бабушка! Ты, случайно, не знаешь Мартина Горски?

– Что-что? Дай-ка подумать... Кажется, в шестьдесят пятом или в шестьдесят четвертом...

– Нет, нет, бабушка, это папа моей одноклассницы Марты. Она хочет его найти...

– А он что же? Потерялся?

– Да, получается, что так.

– Вот какие времена настали, – вздохнула бабушка Перуника, – папы и те теряются!

– Он учился в Швейцарии, и Марта думает, что он нашел там работу и остался... Ты ведь наверняка со многими из

наших там познакомилась...

– Конечно, – ответила бабушка Перуника, – в Швейцарии наших пруд пруди. Только вот беда – они за границей родную речь забывают, родную культуру, корни свои забывают!

– Да, бабушка, понимаю...

– Я им говорю: «А теперь танцуем “Пайдушко”⁷!» А у них глаза навывкате: «Что, мол, такое “Пайдушко”? Первый раз слышим!» И все такие деловые! Бизнесмены, предприниматели, а не знают, что такое “Пайдушко”! Я им говорю: «Стыдно, стыдно должно вам быть! Ваши дедушки и бабушки сражались за свободу Македонии, у них ни секундошки свободной не было, но все-таки они знали, как танцевать “Пайдушко”! Находили все-таки время, так что извольте и вы научиться!»

После этой тирады бабушка Перуника тяжело вздохнула и задумалась. Крепко так задумалась.

– Это все очень интересно, – сказал Борко, – но ты, случайно, не слышала чего-нибудь про Мартина Горски?

– А? Что ты говоришь? Как это я не слышала? Слышала, конечно. Великий был писатель. «Песня о Буревестнике», «Мать»...

– Бабушка!!! Да послушай ты меня: Мартин Горски! Мартин! Знаешь такого?

– А-а-а, ну так бы сразу и сказал. Нет, такого я не знаю. Хотя... звучит как-то знакомо.

⁷ «Пайдушко» – один из видов македонского народного танца оро.

– Эх... Жалко. И где нам его теперь искать? Что теперь делать?

– Первым делом – убрать сыр в холодильник, а дальше что-нибудь придумаем.

I want to walk in your park

Марте не хотелось идти домой. «Зачем? – думала она. – Вот я приду, и что дальше? Опять буду расспрашивать маму об их с папой молодости, а она станет мне отвечать с таким видом, как будто бы одолжение мне делает. Опять скажет, что это уже в прошлом, что мне надо учиться... Бла-бла-бла. Она постоянно говорит одно и то же! А ведь если бы не она и не эта ее гордость... Нет, не хочу ее сейчас видеть. Никого не хочу видеть. Все как будто бы сговорились и несут какую-то ерунду! Один сказки рассказывает, другой ему поддакивает. Славная компания! Вот пусть и развлекают друг друга, а меня оставят в покое!»

Для того, чтобы немного побыть одной, Марта решила побродить по парку. Впрочем, если бы вокруг нее вдруг вырос непроходимый лес, она бы с удовольствием углубилась в его чащу – так сильно ей хотелось остаться наедине со своими мыслями, что иногда бывает совсем непросто. Я это по себе знаю.

Бывает, приду я домой с работы, и мне кажется: «Ну все, наработался. Теперь посижу в тишине, помечтаю». Но только я начну мечтать, как мне обязательно кто-нибудь позвонит. А если не позвонит, то придет лично и скажет что-нибудь такое ужасно глупое (например, что я ему должен де-

нег). Ума не приложу, как быть с этими материалистами? Когда мечтать? Где? Иногда я до такого отчаяния дохожу, что под кровать прячусь, чтобы меня никто не трогал, и я мог бы тихонько себе мечтать.

Марта так далеко заходить не стала, но все-таки... Парк у нас довольно большой, и при желании, при очень большом желании, можно и заблудиться. А у Марты было такое желание, и она шла не разбирая дороги. Она и не подозревала, что за ней снова следят... Ни шороха, ни хруста ломавшихся веток она не слышала – так шумно было у нее в голове.

И этот шум мне тоже знаком. Как вы, наверное, заметили, я с Мартой во многом солидарен. Например, я тоже люблю думать о папе. Например, в прошлое воскресенье я целый день просидел у окна и пытался в него выбросить мои глубокие рассуждения о папе Григории VII, у которого сам император Генрих IV на коленях просил прощения...

Ну да я отвлекся. Изо всех сил Марта пыталась объяснить себе, почему с ней происходит все то, что с ней происходит. «Получается, что до сих пор мама не говорила мне правды, потому что считала меня маленькой и глупой. Как будто бы у меня нет права знать о моем собственном папе! Она просто взяла и решила все за меня. Нет, она, конечно, хотела как лучше... Конечно, конечно. Только вот у нее не очень-то

получилось! У всех семья как семья, а у меня что? Старые фотографии?!»

Тени сгустились вокруг нее... В кронах ветвистых деревьев каркали вороны... И людей вокруг становилось все меньше и меньше. Но что же тогда так хрустело, потрескивало и даже ругалось шепотом?

«Она просто эгоистка, – говорила себе Марта, – она ведь прекрасно знала, к чему это все приведет. Она знала, что надо мной будут смеяться, что появятся такие, как Стево, которые будут тыкать в меня пальцами. Ей это все безразлично. Она...»

– Эй, красотка! – окликнул Марту незнакомый голос. – Закурить не найдется?

Марта обернулась и увидела перед собой... «святую» троицу: Джо, Пантеру и Ника. «Вот привязались, – подумала Марта, – почему меня нельзя просто оставить в покое?!»

– Нет, – буркнула она и уже собралась пойти своей дорогой, но они окружили ее, и один из них спросил:

– А если найду?

– Ловко ты это, Пантера, – шепнул ему другой.

– Спасибо, Ник, только не называй больше моего имени!

Она не должна его знать, так сказал сам...

– Тсс, – шикнул Джо и нахмурился, – продолжаем! Так вот, красотка, – повторил он, – что будет, если мы найдем?

– А вот что будет, – ответила Марта, вспомнив уроки биологии, – лейкоплакия слизистой оболочки, инфекция десен

и перелом бедра! Вот что будет!

– Перелом бедра?! – испугался Ник. – Может, пойдем отсюда, а? Подобру-поздорову...

– Стоять! – скомандовал Джо. – Ты что, девчонки испугался? Забыл, зачем мы сюда пришли?

– Кстати, а зачем мы сюда пришли? – спросил Ник.

– Идиот! – крикнул Джо. – А ну-ка быстро взять ее!

– Только попробуйте, – сказала Марта, а сама подумала: «Спасибо тебе, мама, если бы не ты, я бы сейчас сидела себе дома, и папа бы мне объяснял, как построить Вавилонскую башню так, чтобы не было, как в прошлый раз...»

– Ну? – спросил Джо. – Чего встали? Вперед! Покажем ей, где раки зимуют!

– Раки? – переспросил Ник. – Зимуют?!

– М-м-м, – зажмурился Пантера, – я бы сейчас съел одного, и чтобы покраснее...

– Да что же это такое! – разозлился Джо. – Я что, должен за всех отдуваться? А ну пошел! – крикнул он и подтолкнул вперед Пантеру.

– А чего сразу я? Что я вообще должен делать?

– Разберись с ней! Проучи ее!

Но Марта не стала ждать, пока с ней разберутся, и толкнула Пантеру, да так, что он упал прямо под ноги Джо.

– Это еще что такое? – спросил тот.

– Знаешь, – признался Пантера, – с этого ракурса ты выглядишь намного лучше.

– О боже, – прорычал Джо.

– Э-э-э, – сказал Ник, – не хочу отвлекать, но где она?

Марта бежала прочь из парка, уже тысячу раз пожалев, что вообще пришла туда.

– За ней! – скомандовал Джо, и все тут же бросились в погоню.

Она оборачивалась, спотыкалась и несколько раз чуть не упала. А кругом, как назло, не было ни души. Преследователи настигали ее – казалось, еще немного, и они схватят ее, но тут... Спасение пришло, откуда не ждали... Послышался рев мотоцикла, и между деревьями замелькал желтый огонек.

Джо, Ник и Пантера застыли как вкопанные. Прямо перед ними, загородив собой Марту, вдруг появился... робот, отправленный в прошлое, чтобы изменить будущее... То есть, проще говоря, Витязь собственной персоной.

– Что это вы тут делаете? – спросил он грозно.

– То есть как? – удивился Ник. – Да ты ведь сам... – но он не договорил, потому что Джо закрыл ему рот ладонью и ответил Витязю, как они и договаривались:

– Не твое собачье дело! Проваливай отсюда!

– Как грубо, – усмехнулся Витязь, – вы мне сейчас ответите за все, что сделали!

Марте не очень-то хотелось ждать, чем это все закончится, но она просто не могла сдвинуться с места. Когда Витязь спрыгнул с мотоцикла и выпрямился во весь рост, он ей вдруг показался таким красивым и таким сильным, а самое

главное... таким знакомым. Она просто глаз не могла от него оторвать. Это было похоже на транс или на гипноз – спросите у любого тибетского монаха, и он вам скажет то же самое.

– Ну? Кто первый? – обвел он взглядом всю троицу. – Сейчас вы узнаете, что бывает с теми, кто обижает девочек. Моих девочек, – добавил он шепотом.

– Ты у нас попляшешь, – сказал по сценарию Джо и толкнул в бок Пантеру.

– Да-да, – подтвердил тот, – ты у нас попрыгаешь.

– Мы из тебя отбивную сделаем!

– Ну же, – поманил их Витязь и встал в боксерскую стойку, – попробуйте.

– А вот и попробуем, – сказал Ник погромче, чтобы Марта слышала, – мы вообще-то чемпионы Македонии по большой борьбе!

– По вольной, идиот! – исправил его Джо.

– Мне все равно, кто вы такие, – гордо ответил Витязь, – я не разговаривать сюда пришел. Ну? Кто хочет первым познакомиться с моим кулаком?

– Вперед, парни! – крикнул Джо. – Пора поставить этого наглеца на место!

– Не перебарщивай! – прошипел Витязь.

Фонтанные ребята, пусть медленно и неуверенно, пошли вперед, но вскоре полетели назад. Первому опять досталось Пантере. Витязь только слегка его стукнул, но он так застыл, что можно было подумать, будто по нему пробежалось

стадо слонов.

– Ты как? Жить будешь?

– Не думаю, – прохрипел Пантера, – передай моей семье... – он так и не успел договорить, что именно нужно было передать его семье, потому что прямо на него приземлился Ник.

– Свет! – крикнул он. – Свет гаснет в устах!

– В перстах, идиот! – поправил его Джо. – В перстах гаснет свет!

Вскоре и он упал рядом со своими товарищами, и все вместе они принялись громко причитать:

– Он мне печенку отбил!

– А мне все кости переломал!

– Печенка, – прошептал Пантера и расплылся в улыбке, – печенка...

– А ну марш отсюда, – приказал Витязь, – и чтобы я вас больше здесь не видел!

Дважды повторять не пришлось. Джо, Ник и Пантера были очень рады, что спектакль наконец подошел к концу. По крайней мере, свои роли они в нем сыграли. Поднявшись, они пустились бежать и на бегу на всякий случай охали, ахали и покрикивали:

– Вот это у него силища!

– Этой девчонке с ним очень повезло!

– Я бы на ее месте его как-нибудь отблагодарил!

Марта и впрямь была очень благодарна. Она так испуга-

лась, что не сразу пришла в себя. «Витязь... Витан... – стучало у нее в голове, – что бы я без него делала? Получается, что я ошибалась... Он никакой не хулиган. Нет, нет, теперь я сама вижу, что Эмма была права. Только вот... как это так получилось, что...»

– Ты в порядке? – спросил Витан, – не бойся, они тебя больше и пальцем не тронут, на километр к тебе не подойдут.

– Спасибо... – сказала Марта. – Спасибо...

– Хочешь, я провожу тебя?

– Даже не знаю, я могу...

– Нет, я тебя все-таки провожу, – перебил ее Витан, – сейчас на улицах, сама видишь, небезопасно. Но ты не переживай, со мной тебе нечего бояться.

– А я и не переживаю, – ответила Марта.

«Так вот для кого я на самом деле что-то значу, – подумала она, – кто меня сегодня спас? Мама? Борко? Дедушка Илия? Нет. Они меня, конечно, любят... Ну или очень хорошо ко мне относятся. Только этого мало! Теперь я вижу, насколько этого мало. Я вот учила химию, географию, геометрию... и что? Разве мне это хоть как-нибудь помогло? Никак мне это не помогло! Я ни капельки счастливее не стала от всей этой ерунды. А он... он...»

– Ты точно в порядке? – спросил он. – Я, кстати...

– Знаю, знаю, ты Витан.

– Да... Я Витан... Прости, если тогда у школы...

– А что такого было у школы? – спросила Марта. – Ты

круто катался! Это ты меня прости, я тогда была не в настроении.

Впервые за долгое время, впервые за всю свою жизнь, как тогда показалось Марте, она почувствовала себя в безопасности. Даже если бы кругом был не вечерний Скопье, а дикие львы, ядовитые змеи, торнадо, землетрясения, она бы ничего не испугалась и все так же спокойно шла бы вперед рядом с Витаном и его мотоциклом.

– Я смотрю, вы с ним не расстаетесь, – сказала она.

– Еще бы. Нравится? Кстати, Ален Делон на таком же ездит. Я без этого байка никуда. Мне его предки подарили, когда разводились.

– Предки?

– Ну да, отец с матерью. Задобрить меня хотели.

– И? – спросила Марта.

– Что «и»?

– У них получилось?

Витану совсем не хотелось откровенничать, раньше он никогда этого не делал, и, казалось бы, не самое лучшее время начинать. К тому же этого не предусматривал его план. Нужно было просто довести девчонку до дома и послушать, как она им восхищается. Все. Больше ничего. Но...

– Черта с два у них получилось! – ответил Витан.

– Тебе из-за этого грустно?

– Мне? Грустно? Да ты чего? Разве я похож на человека, которому бывает грустно? Да и вообще я не жалуясь. Байк

что надо – и на том спасибо. Ты мне лучше скажи, чего ты там делала в парке совсем одна?

– Хм... – не сразу ответила Марта, – просто гуляла.

– Я думал, ты всегда гуляешь с этим... Как его?

– Борко? Откуда ты знаешь?

– Да так... Сорока на хвосте принесла.

– Сорока?

– Эммой зовут.

«Ага, – подумала Марта, – вот так подруга! Времени даром не теряет».

А вслух сказала:

– Эмма такая сплетница! Просто королева сплетниц!

– О'кей, – зевнул Витан, которому становилось скучно, – ты мне лучше скажи, не хочешь завтра со мной немного покататься?

– Да я бы с радостью... Но...

– Что такое? – настороженно спросил Витан.

Марта хотела сказать, что мама ей не разрешает кататься, но вдруг остановилась на полуслове:

– Я... В принципе... Почему бы и нет?

– Вот это по-нашему, – улыбнулся Витан, – тогда встретимся у фонтана.

– Хорошо! А во сколько?

– Ну... Как сможешь, так и приходи, завтра ведь выходной. Я почти что живу у этого фонтана. Покатаемся, а потом, если хочешь, можем где-нибудь мороженое поесть. Ты какое

любишь?

– Я?.. Лимонное...

– Да ну? Это же мое любимое.

– Правда?

– Честное слово.

– А какой у тебя любимый цвет? Дымчатая роза, да?

– Чего? То есть... да. Само собой

– Ничего себе! У меня тоже! Я почему-то сразу подумала, что тебе нравится дымчатая роза... А любимая книга?

– Эта... как ее, – наморщил он лоб, пытаясь вспомнить, что ему когда-то читала мама, чтобы он поскорее уснул, – «Гордость и предупреждение».

– А-а-а... – захлопала в ладоши Марта, – Ты такой смешной! «Гордость и предубеждение» – это ведь и моя любимая книга тоже!

– Ну вот видишь, – усмехнулся Витан, – значит, мы не просто так встретились.

– Да, – улыбнулась Марта, – все верно...

Так она и записала в своем дневнике тем вечером, когда тихонько, на цыпочках, прокралась к себе в комнату, чтобы не разбудить одну банковскую служащую, задремавшую у них на кухне с фотоальбомом в руках.

Марте было из-за чего переживать – так поздно она домой еще никогда не возвращалась... Впрочем, это было не важно, ведь на небе, прямо над ней, сияли огромные звезды, такие огромные, что ни слон, ни кит, ни домашка по мате-

матике не могли бы сравниться с ними. И только сердце...
только ее сердце могло спрятать в себя их все.

Paroles, paroles, paroles

А на следующий день ей с утра пораньше позвонил Борко. «Вот ему не спится», – подумала Марта, когда взяла трубку.

– Привет. Что-то случилось? Ты видел, который час? – спросила она и удивилась самой себе: «Как странно – если бы он мне позвонил пару дней назад, я бы очень обрадовалась. Даже если бы он мне в час ночи позвонил, а теперь... И почему эти мальчишки вечно все делают так не вовремя?!»

– Привет, Марта! – прокричал Борко. – Ты не поверишь, что я узнал. Лучше сядь, потому что ты просто упадешь от того, что сейчас услышишь?

– Дай-ка я угадаю. Опять чего-нибудь нарисовал?

– Да нет, не в этом дело...

– Забыл, что нам задали?

– Марта, да послушай ты! Я узнал, где живет твой папа!

– ...Что? Серьезно?

– Еще как серьезно! Я же тебе говорил, что у меня бабушка из Швейцарии вернулась? Так вот, она вчера весь день ходила по квартире и все повторяла: «Мартин Горски... Хм. Мартин Горски...» Мама с папой чуть с ума не сошли, а когда бабушка стала петь: «Мартин Горски... Хм. Мартин Горски...» Они...

– Ближе к делу! Откуда у нее адрес моего папы?

– Когда бабушке надоело петь, она позвонила в свой санаторий и спросила: «Извините, пожалуйста, у вас, случайно, не останавливался...» А ей ответили: «Извините, пожалуйста, мы не имеем права...» Но бабушка и не думала сдаваться, она вдруг как закричит на швейцарском...

– На швейцарском?

– Вот именно! Как закричит: «Не кладите трубку! Не кладите трубку!» Ее, конечно, спрашивают, с какой это радости они не должны класть трубку. И тут моя бабушка переходит в наступление – берет шупелку⁸ и начинает играть «Пайдушко»! Только и слышно, как они там в Швейцарии цок-цок, бум-бум делают!

– Сейчас ты у меня станцуешь «Борко, чао, Борко, чао»! Как было на самом деле?

– Так все и было, честное слово! Бабушка там всех утанцевала – в конце концов сам директор санатория подходит к телефону и говорит: «Уважаемая, ради бога скажите, кого вы ищете, мы больше не можем танцевать. Мы тут все уже с ног валимся». А бабушка и спрашивает: «Не останавливался ли у вас когда-нибудь господин Мартин Горски?»

– Ну? И что дальше-то?

– А дальше на другом конце провода все начинают смеяться!

– Как это «смеяться»? Что значит «смеяться»?

– А то, что он у них никогда не останавливался! Ему это

⁸ Шупелка – македонский народный инструмент, полупоперечная флейта.

не нужно. Он живет в Цюрихе неподалеку. Но в санатории его все знают, потому что он построил этот санаторий! Время от времени у них чего-нибудь отваливается: балкон там или карниз. Ну, в общем, мелочь всякая. Директор санатория идет разбираться к Мартину Горски, то есть к твоему папе.

– Ну? А мой папа что?

– А что он? Он ничего. Директор санатория ему говорит: «Вы хоть понимаете, чем это пахнет? Это пахнет судом!» А твой папа лежит себе в кровати, пьет кофе и улыбается. В общем, македонская народная культура, что тут еще сказать! Директор ругается, а твой папа его просит: «Не ругайтесь, пожалуйста, я сейчас приду и все исправлю».

– Да уж...

– Его чуть ли не весь Цюрих знает! Он там почти все построил.

– Бедный Цюрих... Хватит уже тянуть кота за хвост! Ты мне адрес скажешь или нет?

– Нордхаймштрассе, 28.

– Ты хорошо запомнил?

– Да... Кажется, да... Если бы ты только видела, чего мне стоило узнать этот адрес от бабушки...

– Да уж, представляю.

– Я ей три раза спел «Йовано, Йованке» и еще два раза «Калеш бре Ангя»...

– М-м-м. А ты, случайно, не хочешь спросить, как у меня

дела?

– Хочу, конечно. Как у тебя дела?

– Пока ты там с бабушкой пел и танцевал...

– Но, Марта, я же узнал адрес!

– Спасибо. Разве я не сказала «спасибо»?

– Да вроде нет...

– Пока ты там пел и танцевал, я гуляла по парку, и мне было очень грустно, а потом на меня еще и напали какие-то три идиота!

– Что?.. Напали? Ты в порядке, Марта?

– Да-да, я в полном порядке.

– Марта... что произошло?

– А тебе-то какое дело? Где ты был вчера, когда ты был мне так нужен?!

– Но откуда же я знал?

– Витан, в отличие от тебя, сразу почувствовал, что я попала в беду!

– Витан? Почувствовал?

– Витан меня спас, понятно?! А теперь извини, пожалуйста, мне пора идти.

Борко хотел еще что-то сказать, но Марта положила трубку. «А что? – подумала она. – Пусть не воображает себе слишком много. Главное – это ведь поступки, верно? А какие у него поступки? Одни слова. То есть он, конечно, молодец... Он ведь это все ради меня затеял. Только все это как-то подозрительно... Может, он все выдумал? На самом деле

он слетал в Швейцарию и обошел каждый дом в поисках моего папы! Но нет... это уже было бы слишком. Да и вообще сначала надо будет проверить этот его адрес. Да. Сегодня же вечером напишу письмо. Но это все вечером, а сейчас надо идти... Он уже наверняка меня ждет».

– Ты куда, Марта? – спросила мама, увидев, как ее дочь что-то ищет в шкафу, подходит к зеркалу, поправляет волосы...

– Да так... просто... – ответила Марта.

– Ты вчера поздно вернулась. С кем-то гуляла, да?

– Да. Гуляла.

– А с кем, если не секрет?

– Секрет.

– А сейчас ты куда идешь?

– Куда надо!

– Марта... ты на меня обиделась?

– Нет.

– Тогда в чем дело?

– Ни в чем. У нас сегодня субботник.

– Так вот зачем ты взяла мою помаду... Для субботника.

– Да, мама. Вот такие теперь субботники!

– Подожди, Марта. Так не пойдет. Вчера что-то произошло. Я хочу знать что.

– А почему это я должна тебе все рассказывать? Ты всю мою жизнь молчала! Ты никогда бы не рассказала мне о папе, если бы я тебя не попросила! А сколько я тебя просила? Чуть

ли не каждый день.

– Но теперь я тебя прошу, Марта, пожалуйста... Что случилось? Куда ты идешь?

– Через пару лет расскажу! Если захочу, конечно. А теперь счастливо оставаться... и да, спасибо за помаду!

Марта хлопнула дверью (она где-то читала, что именно так делают в таких ситуациях). Бисера не стала ее догонять или кричать вслед проклятья, хотя она тоже много всего прочитала за свою жизнь.

«Ничего, ничего, – подумала она, – это у нее пройдет... Это ведь пройдет, правда?»

В ожидании Марты

Борко все никак не мог прийти в себя после того разговора. Наверное, теперь пришла его очередь думать, и он думал: «Что же это получается? Еще вчера все было более-менее, а теперь она не хочет со мной разговаривать! Нет, я совсем не понимаю этих девочек. Зато я теперь понимаю художников, которые сходят с ума. Вот как это происходит: у них появляется муза, а потом у музы появляется... Витязь».

– Эх, внучок, внучок, – вздыхала бабушка, – ты какой-то смурной в последнее время.

– Искусство требует жертв, бабушка.

– Рассказывай мне, рассказывай! Надо тебя отправить в деревню, там бы всю твою тоску как рукой сняло. Ты бы только один раз впрягся вместо вола...

– Все, все, бабушка... Я твою молодость наизусть помню.

Борко чувствовал, что волами тут делу не поможешь. Здесь нужно было какое-нибудь средство посильнее, и его папа тоже это чувствовал.

– Что такое, сынок? – спросил он.

– Да так... ничего особенного...

– Вижу я – ничего особенного. Влюбился, наверное!

– Пап...

– Вижу, вижу, что влюбился. Надо тебя на бокс записать!

– На какой еще бокс, пап? Я художник, ты разве забыл?

– Чем раньше ты выбросишь из головы это свое художничество – тем лучше. От него все твои влюбленности и происходят! Ты же не хочешь быть нытиком?

– Я...

– Не хочешь, конечно! Ты же мой сын. Женщин, сынок, надо завоевывать, а не сохнуть по ним, как ботва зеленая! Вот тебя один раз шандарахнут как следует...

– Все, папа, все! Я понял.

– Вот меня один раз шандарахнули как следует...

– И ты женился на мне, – сказала Боркина мама, – давай-ка мне телефон этой твоей девочки. Я с ней поговорю.

– Мам, не надо! Пожалуйста. Ничего не надо.

И только его младший брат Милче предложил что-то дельное:

– Мам, пап, а можно, когда он умрет от любви, я его джинсы себе заберу?..

Вот почему Борко с нетерпением ждал понедельника. Ему казалось, что им с Мартой просто нужно поговорить, и тогда все будет по-прежнему. Он за нее волновался и несколько раз звонил на выходных, но каждый раз вместо нее отвечала Бисера:

– Нет, нет, Марты еще нет дома.

– Она не сказала, когда вернется?

– Нет, не сказала. Я думала, вы вместе гуляете...

– Не переживайте, – повторял он, хотя сам очень пережи-

вал, – она, наверное... с Эммой гуляет. Они ведь лучшие подруги.

– Да, наверное... Борко, ты, случайно, не знаешь, что происходит?

Конечно, он знал и хотел было рассказать Бисере о том, что ему известно, но так и не решился: «Это было бы не товарищески. Марта сама должна все рассказать маме. Да и вообще, что, если она все выдумала, чтобы меня подразнить?»

– Не знаю, тетя Бисера, я, наверное, попозже перезвоню. Простите за беспокойство.

И его простили, но легче ему от этого не стало, потому что ни в субботу, ни в воскресенье Марта так и не взяла трубку. Оставалось только надеяться на понедельник... Ставки были сделаны, и ставки были очень высоки. И вот Борко снова проснулся с утра пораньше и чуть ли ни на рассвете вышел из дома, чтобы точно не проворонить Марту.

Помню, и я когда-то ходил в школу вместе с моей одноклассницей. Ах, золотое время! Я вставал с первыми петухами, бежал к ее дому и ждал на лавочке, когда она проснется. Наверное, ее родители считали меня чудиком – им совсем не нравилось, что я провожаю их дочь в школу. Чего они только ни делали: то пытались подкупить меня конфетами, то зывали к моей совести, но все это было бесполезно... В конце концов они стали отправлять ее в школу на парашуте. Пом-

ню, как я поднимал глаза к небу и видел, как там высоко-высоко надо мной летит Бильяна... Да, золотое это было время.

Итак, Борко дошел до липовой аллеи и хотел было немного повздыхать и пожалеть себя, но не тут-то было, потому что он встретил... Как думаете, кого он встретил? Нет, нет, не своего клона и даже не дьявола во плоти.

– Хо-хо-хо, – крикнул ему дедушка Илия, – глядите-ка, кто идет! Вот он, молодой строитель!

– Какой же я строитель? – удивился Борко.

– Ты строитель коммунизма! – объяснил дедушка Илия. – Вот держи, я принес тебе подарок – коммунистическую старемску.

– Спасибо, дедушка Илия, но...

– Нужно спешить, Борко! Марсиане могут напасть в любой момент! Но когда мы построим коммунизм, они испугаются и улетят подобру-поздорову! А если кто из них и отважится подлететь поближе, то они от нашего коммунизма будут как горох отскакивать. Тюк-тюк, и нет никаких марсиан! Здорово я это придумал?

– Здорово, дедушка Илия, очень здорово...

– Это все началось много лет назад, Борко, когда мы с маршалом Тито сидели в окопе, – сказал старик, – кругом пули свистят, взрываются бомбы. Бум! Бах! Пулеметы строчат: тра-та-та-та-та-та. А мы смотрим друг на друга и клянемся: во что бы то ни стало... Борко, а ты чего такой мрачный?

– Да вот, Марта...

– Она тоже хочет строить коммунизм? Отлично! У меня есть еще одна стамеска.

– Она не отвечает на мои звонки, дедушка Илия...

– Ага... это уже серьезно. Коммунизм может и подождать.

Рассказывай, Борко, что стряслось?

– Последний раз, когда мы с ней разговаривали, Марта сказала, что на нее напали...

– Как? Уже? Марсиане? – испугался дедушка Илия. – Сколько их было?

– Кажется, трое...

– Вот как... А когда, ты говоришь, это было?

– В эту пятницу.

– Очень странно, – пробормотал дедушка Илия, – в эту пятницу вечером один мой друг по прозвищу Капитан Марксвел...

– Капитан Марксвел? – переспросил Борко.

– Да... Да... – сказал дедушка, – он из Гевгелии родом. Они там все немножко странные. Так вот, он мне рассказал, что когда вышел на прогулку, чтобы немного поучить молодежь уму-разуму, то встретил четырех мотоциклистов. Он не разглядел их как следует, но очень возможно, что это были марсианские мотоциклисты. Они громко смеялись и, кажется, говорили о нашей Марте. Мой друг подошел поближе... Он не хотел подслушивать, нет! Он лишь хотел вкратце им изложить теорию коммунизма, но стоило ему начать – их

как ветром сдуло.

– Дедушка Илия, а ваш друг, случайно, не узнал кого-нибудь из этих... марсиан?

– Хмм, погоди-ка, по-моему, один у них был за главного. Все его называли... Погоди, погоди, как же они его называли... Пират? Барон?

– Витязь? – подсказал Борко.

– Нет, нет... Купец? Кузнец?

– А может, Витязь?

– Или Кардинал? Мушкетер?

– А может, все-таки Витязь? – чуть не крикнул Борко.

– А? Что? – словно бы очнулся дедушка Илия. – Витязь? Точно, это был Витязь. Он их за что-то благодарил и все повторял, что представление удалось на славу.

– Ничего не понимаю, какое еще представление? Витязь же спас Марту от хулиганов! Она мне сама так сказала...

– А от самого себя он ее не забыл спасти? Знаю я таких донкихотов, летают тут время от времени. По секрету скажу тебе, Борко... По-моему, вторжение уже началось! Теперь мне все ясно....

– Что ясно, дедушка Илия?

– Марту хотят заманить в ловушку! Вот что!

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно уверен.

– Да... Все это очень подозрительно. Надо ее предупредить, пока не стало слишком поздно. Она скоро должна

пройти по этой аллее. Я хотел ее подождать.

– И правильно, – сказал дедушка Илия, – подождем.

Рыцарь на черном коне

Только вот ждали они зря. Тем утром, когда Марта вышла из дома, ее встретил Витан на своем Росинанте⁹. Конечно, соседские бабушки не могли не пошептаться между собой по этому поводу:

– В мое время, – сказала одна, – молодые люди пели серенады. А теперь что? Дрын-дын-дын – вот и вся музыка.

– А в мое время настоящие рыцари спасали принцесс от драконов, – сказала другая.

– Э-эх, – вздохнула третья, – а теперь принцессы сами идут к драконам в лапы.

Они могли шептаться сколько угодно, Марте и Витану было все равно. Целые выходные они вместе катались по городу, ели мороженое и возвращались домой под вечер. Марта была так счастлива, что едва не забыла написать письмо в Швейцарию.

«Дорогой папа...» – начала она, а потом задумалась немного и на одном дыхании написала страниц 15–20, а может быть, и целую книгу написала. Кто же ее знает? Я ведь чужие письма отродясь не читал, но почему-то мне кажется, что там, в этом письме, было все на свете: и македонское небо, такое же большое, как и любое другое небо и все-таки

⁹ Росинант – конь Дон Кихота.

немножко больше, и македонское солнце – ласковое и доброе, обиженное и злое! Пусть почитает у себя в Швейцарии! Пусть обожжется – ему это будет полезно!

Не так-то просто все это спрятать в конверт. Закрываешь его, закрываешь, а небо, солнце, душа – ничего в нем не помещается и торчит во все стороны. И что ни буква в этом письме, то озеро или речка, лесной пожар, гром и молния! Вот какое это было письмо. Впрочем, я не читал, не знаю... Просто у Марты всегда был хороший слог, и сочинения у нее получались лучше всех в классе. Вот я и решил... Ну да кому какое дело, что я там решил.

«...Ты дурак», – вот как закончила Марта свое письмо, запечатала его в конверт, а потом пошла на почту, купила марку (и даже не одну, а сразу десять штук – с битольскими пейзажами, само собой), проверида, все ли в порядке, и бросила письмо в почтовый ящик. Дело было сделано, и теперь она могла с чистой совестью думать о Витане. Думать, думать и думать... И больше ни о чем не думать.

Он открылся для нее с какой-то совершенно новой стороны. Марта и не подозревала, что он такой интересный, такой загадочный. Раньше она считала, что он ничего не видит дальше своего носа и мотоцикла, а он оказался прямо-таки философом, кинокритиком, искусствоведам... Конечно, Витан порой увлекался и часами болтал о колодках и дисках, посвящая целые поэмы воздушным фильтрам и топливным бакам. Но Марте все это даже нравилось. Ей нравилось, ко-

гда они летели на большой скорости, и ветер свистел у них в ушах. Все вдруг становилось не важно: и школа, и уроки – все это оставалось где-то далеко позади.

Прохожие ругались и ворчали им вслед, но они ведь даже не слышали их ворчания, они были свободны, как птицы, и никто не смел им указывать, что и как они должны делать. Ребята летели все быстрее и быстрее, и само время едва поспевало за ними. С каждым днем Марте все больше казалось, что до встречи с Витаном она как будто спала, а теперь проснулась и больше не хочет засыпать.

Витан тоже был счастлив – все складывалось именно так, как он и хотел. Кто бы мог подумать, что это будет так просто? Стоило только «спасти» Марту от хулиганов, и она уже была готова отправиться с ним хоть на край света. Конечно, в ней нужно было всячески поддерживать это чувство, иначе она могла бы что-то заподозрить. С ней нужно было о чем-нибудь разговаривать, поэтому Витан каждый день, прежде чем выйти из дома, листал детскую энциклопедию, которую ему давным-давно читал на ночь папа.

– А сейчас мы проезжаем липы, – говорил он тоном экскурсовода, – по латыни *Tilia*. А сейчас посмотри направо – видишь? Там какой-то мальчик. Изображения мальчиков можно найти, например, в этрусских гробницах...

Даже когда Витан нес какую-то ерунду, ей казалось, что он произносит свою нобелевскую речь. «И кого я раньше слушала? – думала она. – Маму? Учителей, которые ничего не

знают и знать не хотят, кроме своего предмета? А с Витаном так спокойно... У меня такое чувство, как будто он меня обнимает, даже когда он меня не обнимает. Если бы я могла всю жизнь с ним куда-нибудь ехать, это было бы просто замечательно. Никогда не останавливаться, не ходить в школу и только слушать, как он говорит...»

А Витан и в самом деле неплохо говорил, язык у него был подвешен что надо. Особенно когда речь заходила о кино – тут ему не было равных. Он знал, где и когда родился Хичкок и кто принимал роды. Да чего уж там, он знал, как звали братьев Люмьер. Витан не хотел рассказывать Марте слишком много, не хотел откровенничать, но так уж получилось... Он и сам не заметил, как принялся одну за другой выкладывать все свои карты на стол.

«Это надо прекратить, – думал Витан, – она не должна знать обо мне слишком много. Что у меня, друзей нет, что ли? Есть, конечно. Если мне хочется поболтать, надо пойти к кому-нибудь другому, а с Мартой нужно всегда быть начеку, нельзя распускать нюни».

Но как он ни убеждал себя в том, что должен до конца играть честного и благородного бунтаря, он все чаще и чаще забывал прописанный в его сценарии текст. Дело в том, что раньше его никто так внимательно не слушал... Он рассказывал Марте о своем детстве, о том, как родители ссорились на кухне, а он вставлял в проигрыватель кассету и включал погромче какой-нибудь фильм, чтобы их не слышать. Пона-

чалу он думал, что посмотрит две-три кассеты и остановится, но в конце концов он посмотрел все фильмы, которые у них были дома. Тогда родители купили ему новые, но и тех оказалось мало.

– Знаешь, а мои... предки даже не ссорились, – сказала Марта, – они просто плюнули друг на друга. Ну то есть... не совсем так. Мама, конечно, по нему скучает, но мне-то что? Разве мне от этого легче?

– Все они одинаковые, – ответил Витан, – говорят, что нужно учиться, что нельзя курить и все такое. А сами? Как будто бы они одни понимают, как надо жить! А по-моему, они-то как раз ничего не понимают. Они просто хотят, чтобы всем было так же плохо... Так же... То есть... Прости... Я что-то...

– Все в порядке, – успокоила его Марта, – ты чего?

– Да так, ерунду какую-то болтаю. Это все неинтересно. Кстати, ты знала, что человек не может чихнуть с открытыми глазами?

– Но мне интересно! – сказала Марта. – Продолжай, пожалуйста.

– Да ну... У всех одна и та же история. Я не исключение.

– Не знаю, не знаю... По-моему, ты похож на исключение!

– Из школы?

– Нет. Из всех правил!

– Хмм, спасибо. Приятно. Значит, я неплохо справляюсь со своей ролью.

– Что? С какой еще ролью?

– Да так... Просто в голову пришло. Знаешь, мне всегда казалось, что если в мире есть исключение из всех правил, то это кино. Здесь все, как обычно. А там все по-настоящему. Так, как и должно быть.

– Что ты имеешь в виду?

– В кино все просто идеально, даже то, что совсем не идеально.

– Да... Наверное. А еще в кино все очень романтично, – добавила Марта.

– Угу, – согласился Витан, – особенно, когда появляется Ален Делон в сером плаще, черной шляпе и белых перчатках. «Нет более глубокого одиночества, чем одиночество самурая, разве что, может быть, одиночество тигра в джунглях», – процитировал он.

– Ну... я не совсем об этом, – сказала Марта.

– Я люблю, когда играет джаз и Ален Делон смеется прямо в лицо правосудию, – продолжал Витан, – все думают, он милый, улыбчивый парень, а на самом деле он хладнокровный и безжалостный...

– На самом деле? Но ведь это же все понарошку!

– Не спорю, но почему «понарошку» не может быть «по-настоящему»?

– Потому что это понарошку!

– Ладно, ладно... Не учи ученого. Знаешь, чего бы я хотел? Я бы хотел, чтобы у меня был свой кинотеатр. Я бы при-

глашал туда только друзей и показывал бы там только хорошие фильмы.

– Про настоящую дружбу, про любовь, да?

– И про это тоже, – поморщился Витан, – главное, чтобы там были погони, облавы, подполья, люди в темных очках и кожаных туфлях, подлоги, обманы, преступления!

– А это все обязательно? – немного испугалась Марта.

– Ну конечно, – ответил Витан, – без всего этого не бывает хорошего кино. Я бы и сам, наверное, хотел играть в фильмах или даже снимать их.

– Это хорошо... – неуверенно сказала Марта, – хорошо, что у тебя есть мечта. До того, как мы познакомились, я думала, что ты обыкновенный хулиган и что тебя ничего не интересует, кроме твоего мотоцикла.

– Ну что ты, – усмехнулся Витан, – меня еще очень многое интересует.

– Почему же ты тогда нигде не играешь и ничего не снимаешь? – спросила Марта. – У нас в школе есть кино клуб...

– Плавали – знаем! Мне это неинтересно. Я уже столько всего перепробовал. Меня отовсюду выгнали!

– Ох, – пожалела его Марта, – наверное, они просто не поняли...

– Вот именно. Ни родители, ни учителя – никто! Ну и пожалуйста. У меня свои методы! Я и сам как-нибудь справлюсь.

– Витан... Знаешь, если могу как-нибудь помочь...

– Да с чего ты вообще взяла, что мне нужна твоя помощь?! Я хотел сказать... – опомнился Витан. – Спасибо большое. Если что...

– Если что, ты можешь как-нибудь прийти к нам с мамой в гости. Мы с ней, правда, немного поругались, но можно ведь и помириться по такому поводу. Я думаю, она будет очень рада с тобой познакомиться...

«Это вряд ли», – мелькнуло в голове у Витана, но вслух он сказал:

– О'кей... если выкрою время в моем плотном графике. Кстати, ты знала, что первые башенные часы появились в тринадцатом веке? И вообще, мне казалось, ты не любишь опаздывать в школу. По-моему, тебе пора.

– Да, ты прав...

– Мы завтра увидимся? – спросил Витан. – Мы увидимся завтра и послезавтра, да?

– И послепослезавтра, – улыбнулась Марта.

– И на следующий день!

– И сегодня вечером!

– В восемь, на том же месте... Кстати, ты знаешь, почему происходят затмения?

Марта засмеялась, спрыгнула с мотоцикла и побежала в школу. А в пятнистой тени деревьев на скамеечке рядом с дедушкой Илией по-прежнему сидел Борко и сквозь шум историй о кровожадных марсианах и добрых пролетариях думал только об одном и только об одной, а еще о том, что он

уже, скорее всего, опоздал.

Портрет Хайме Сабартеса

Нелегко это – чувствовать, что кого-то теряешь, но ничего не можешь с этим поделать. Помню, у меня когда-то было много кошек, но все они куда-нибудь ушли, уехали и улетели. Я сидел за письменным столом и думал о прекрасном и великом, а они подходили ко мне одна за одной и говорили что-то вроде: «Я в Сингапур... А я на Юпитер». Каждая из них находила повод, чтобы отправиться в путешествие.

Конечно же, я уговаривал их остаться, но они и слушать меня не хотели. «Ты хороший парень, – говорили они, – спасибо тебе за все, но теперь нам пора идти. Ты же знаешь, мы, кошки, гуляем сами по себе».

Что я им мог на это ответить? Я не Сингапур и не Юпитер. «Наверное, где-то там, далеко, им будет лучше, чем здесь со мной», – вот что я думал, хотя и не верил тому, что думал. А ведь это были кошки, которые и впрямь гуляют сами по себе, но кошки, как известно, это кошки, а девочки – это девочки. Вот поэтому Борко и было так грустно, что вся моя взрослая грусть, по сравнению с его тоской от Юпитера до Сингапура, показалось бы крохотной и несерьезной.

Несколько раз на переменах Борко пытался поговорить с Мартой, но она сидела на подоконнике, болтала ногами и, казалось, совсем не слушала его. Борко словно бы говорил с

дождевой тучей или спрятанной за ней звездой, потому что результат был один – никакого результата не было.

«Неужели Марта не чувствует, что все это слишком подозрительно? – спрашивал он себя. – Она ведь такая умная! Нужно ей объяснить, нужно ей все объяснить. Спокойно, не нервничая. Нужно ей все рассказать...»

– Ау-у, Марта! – начал Борко. – Ты что, совсем с ума сошла! Ты что, поверила Витязю?

– Отстань, Борко! Если хочешь ревновать, иди вон встань в уголок и ревнуй себе на здоровье.

– Да проснись ты, Марта! Не знаю, что он там тебе наговорил, зато я знаю правду!

– Вот как? И что же это за правда такая?

– Витязь тебя обманул! Он все подстроил! Он и его друзья...

– Ага, конечно. Пооригинальнее ничего не придумал?

– Ты еще увидишь!..

– Чего же я такое увижу?

– Все увидишь! В жилетку мне будешь плакаться, а я тебя даже не пожалею!

– Без тебя справлюсь!

«Ну вот, я ей все спокойно объяснил, – подумал Борко, – так ведь? Все факты разложил по полочкам. Теперь все снова будет хорошо... Хорошо... Хорошо... Нет, ничего не будет хорошо. Надо все сначала, надо еще раз попробовать...»

Но Марта не собиралась весь день слушать одно и то же.

Она вообще в тот день никого не хотела слушать. Учителя ее просто узнать не могли: вместо того чтобы все, как обычно, записывать в тетрадочку и обводить правила в разноцветные рамки, она качалась на стуле и считала ворон: «Раз ворона, два ворона, три...»

Когда у нее что-нибудь спрашивали: сколько составляет атомная масса рубидия или что едят бабочки – она все знала и на все отвечала, но так неохотно, что учителя и сами в конце концов начинали зевать и говорили:

– Достаточно, Марта, садитесь...

Они скучали по тем временам, когда она тянула руку выше всех – так, что еще немного, и, казалось, она дотянется до стратосферы, потом до мезосферы, а потом... Столько энтузиазма было в ее глазах! А с каким упоением Марта рассказывала о вакуолях, нейтронах, австралопитеках! Заслушаешься... Будто соловей поет!

«Такими темпами, – думала Прекрасная Анна, – нам скоро придется закрыть школу. Кто у нас тут хочет учиться, кроме Марты? Да никто! А теперь вот и Марта тоже не хочет. Что я здесь для собственного удовольствия работаю, что ли? Нет, так дело не пойдет!»

То же думал и физик, которому уже порядком надоело по третьему кругу рассказывать о законе всемирного тяготения. «Все, не могу так больше, – говорил он сам себе, сегодня же вечером выйду во двор и нарушу этот закон, а может быть, и еще чего-нибудь нарушу».

Географ сворачивал старые карты и проливал слезы даже над самыми засушливыми регионами нашей планеты. Старая и мудрая историчка уже подумывала: а не тряхнуть ли ей стариной и мудростью? А не ускакать ли ей куда-нибудь на поиски приключений?

И один лишь физрук не скучал, потому что он... никогда не скучал. В конце концов, у него были Ацо и Гоце, а с ними не соскучишься.

– А ну-ка быстро прекратили это безобразие! – рычал он, когда братья затевали ссору прямо на уроке, но потом, погладив усы, добавлял: – Ну как ты бьешь, как ты бьешь, Ацо? Сосредоточься! Справа! Слева! Вот так!.. Держись, Гоце, мы с тобой!

До недавнего времени весело было и Пикассо, не тому Пикассо, который великий художник (этому уже давно невесело), а школьному учителю рисования по прозвищу Пикассо. Если он брался за натюрморт или пейзаж, портрет... да за что угодно – все у него кубическое получалось!

– Это, дети, – говорил он, – называется современное искусство. А конкретнее – *Черт пой мичто*. Я хоть по образованию и экономист, но в душе я кубист и в искусстве кое-что понимаю.

До недавнего времени ему хоть было с кем поговорить о прекрасном... Кругом все выписывают какую-нибудь вазочку, а Пикассо ходит по классу и возмущается:

– Да разве это вазочка? Да какая же это вазочка!

– Очень даже красивая, – возражает Эмма.

– Не хватает этой вазочке... – задумывается он и что-то изображает рукой в воздухе, – огня ей не хватает, вот что! Души!

– Да какая же у вазочки душа? – спрашивает Эмма.

Тут Пикассо обводит растерянным взглядом класс в надежде найти хоть одного здравомыслящего человека, который подтвердит и, не стесняясь, скажет, что у вазочек есть душа, да еще какая! И он находит такого здравомыслящего человека – нашего Борко.

В глазах у юного мастера вспыхивают огоньки, он ерошит волосы, хватается за карандаш и рисует, рисует... Такую вазочку нарисует, что Ацо и Гоце даже присвиснут, а Эмма едва не упадет в обморок.

– Вот это я понимаю, – скажет тогда Пикассо.

– Да какая же это вазочка? – спросит, чуть дыша, бедная Эмма. – Тут же ничего не понятно! Мазня какая-то!

– Это не мазня, – покачает головой Пикассо, – это наше будущее... – Потом помолчит немного и добавит: – Сколько экспрессии и импрессии! Какая душа, Борко! Молодец!

Вот как было до недавнего времени, но в одно мгновение все изменилось до неузнаваемости. Огоньки в глазах Борко погасли, а волосы хоть и были по-прежнему взъерошены, в их творческом беспорядке появилось что-то печальное. Он рисовал, как приговоренный к казни. Если приговоренные к казни вообще рисуют... Он будто хотел утопить свою пе-

чаль в белом листе бумаги, который, словно мелкой рябью, покрывался набросками, большинство из которых так и не стало рисунками.

Пикассо это видел и лучше всех понимал. В классе вдруг стало хмуро и пасмурно, хотя за окном сияло яркое солнце. Даже Ацо и Гоце вдруг притихли, и лица у них стали какие-то заостренные и возвышенные, словно они начитались персидской любовной поэзии. Виолета делала маникюр, а Войданка – педикюр. Геннадий икал, Доротей чихал. Гавра... А он-то откуда взялся? Про Марту и говорить нечего – она смотрела в окно и считала мотоциклы...

Медлить было нельзя, и Пикассо решил действовать. Он подошел к Борко и сказал:

– Так... Что это у нас тут происходит?

– А чего у нас происходит? Ничего не происходит, – пожал плечами Борко.

– Развели тут тоску зеленую. Как это называется?

– Но вы же сами сказали: тоска зеленая...

– Вот именно! Я понимаю – тоска... Но почему же сразу зеленая? Пусть она будет разноцветная!

– Да какая разница, – вздохнул Борко, – теперь уже нет никакой разницы: разноцветная, одноцветная...

– Что вы такое говорите, молодой человек!

– Не обращайтесь внимания, – улыбнулась Эмма, – это у него все от вазочек. С душой...

– Тихо! *Силенсио, силенсио*, – сказал Пикассо, – я знаю,

иногда все идет совсем не так, как хотелось бы... Главное – не отчаиваться, не падать духом и любить жизнь так, как ее люблю я!

«Ну вот, начинается, – подумал Борко, – Прекрасная Анна все повторяет, что влюбляться – это противозаконно, Пикассо, наоборот, говорит: “Любите...” Кого слушать? Пусть они уже там определятся как-нибудь!»

– Вы думаете, мне было легко? – спросил учитель. – Мне было совсем не легко. В свое время я жил на сырой картошке и спал под мостами, но и тогда я любил жизнь! Я мечтал открыть собственный банк или даже чеканить свою монету, но у меня ничего не получилось, и я несколько лет подряд носил одни лохмотья, но я все равно любил жизнь! И вот сейчас я учу вас композиции и светотени, в которых ровным счетом ничего не понимаю, но все равно я очень-очень...

– А она-то вас любит? – спросил Борко в воцарившейся тишине.

– Что? Прости... Кто?

– Она-то вас любит? Я имею в виду жизнь...

– Жизнь? Не знаю, – пробормотал Пикассо и как-то вдруг поник, – Фернанда от меня ушла. Марсель улетела. Франсуа сделала подкоп... А жизнь? Я не знаю.

Пикассо сел на краешек стола и принялся искать что-то взглядом. Все зашушукались, кто-то засмеялся – такое происходило чуть ли не на каждом уроке. «Ну вот, – подумал Борко, – зачем я это все начал? Теперь снова придется его

успокаивать».

– Простите, – сказал Борко, – я не хотел вас обидеть.

– Нет-нет... – ответил Пикассо, – все в порядке... Я просто ищу, я ищу...

– Вы лучше посмотрите, какая у меня вазочка получилась, – сказала Эмма, – и к Марте в альбом загляните, у нее там очень симпатичная вазочка вырисовывается, очень...

– Да разве в этом все дело? – всхлипнул Пикассо. – Неужели мы приходим на этот свет ради одних только вазочек.

– Конечно же, нет! – успокоил его Гоце.

– Ради огня, ради души! – выкрикнул Ацо. – Вот, посмотрите, что я нарисовал!

– Что же... Это можно, – сказал Пикассо, – в конце концов, это ведь моя работа, правильно? Я ведь ни на что больше не гожусь...

– Ну что вы в самом деле? – зашумели все.

– А вы думаете, это легко – быть художником? Или ухо себе отрежешь, или с ума сойдешь... Или и то и другое сразу!

– Но ведь все хорошо будет... Не переживайте вы так...

– Мне теперь остается только один выход...

– Какой еще выход?!

– Прийти домой и наесться желтой краски.

– Вы, кажется, что-то путаете...

– Я никому не нужен! – снова всхлипнул Пикассо.

– А как же мы? – удивился Ацо. – Вы нужны нам! У меня единственная тройка по вашему предмету, по всем осталь-

ным двойки!

– Я ничего не достиг... Права была моя мама...

– Но ведь не все потеряно? Кто говорил, что нельзя опускать руки?

– А? Разве я такое говорил?

– Еще как говорили! Может, вы все-таки посмотрите? – спросила Эмма. – Посоветуете что-нибудь. Я сегодня нарисовала вазочку, похожую на голубя!

– А я на собаку!

– А я на быка!!

– А моя вазочка вообще ни на что не похожа!

– Да... – улыбнулся Пикассо. – Фернанду мне этим не вернуть, Марсель тоже, а Франсуазу тем более... Ну да ладно, нужно ведь как-то жить... – Тут он достал носовой платок и вытер чуть покрасневшие глаза. – Пускай хоть побольше красок будет! Главное ведь – искусство, правильно, дети?

– Правильно, – сказал Борко, но уже не так уверенно, как обычно.

– Вот и замечательно! – приободрился Пикассо. – Тогда показывайте мне свои вазочки! Ну-ка, что там у вас получилось?

Орфей... Морфей...

А после уроков все было то же самое... Ничего не получилось. Марта шла домой и думала о том, как ей не хочется туда идти, делать уроки, говорить с мамой... Но Витан сказал в восемь, значит, нужно немного подождать. «Как бы мне сделать так, чтобы время поскорее пролетело? Чтобы я даже не почувствовала, как оно пройдет? Может, посмотреть телевизор? Или почитать? Но нет... Нет... я не хочу. Лучше всего, конечно, было бы уснуть и проснуться полвосьмого. А еще было бы очень хорошо, если бы папа мне все-таки ответил, чтобы он приехал ко мне. Интересно, где сейчас мое письмо? И долго оно будет идти? И...»

– Марта, – подожди, – окликнул ее Борко, – нам надо...

– Ничего нам не надо, – сказала Марта, – пока!

– Но я должен тебе все объяснить!

– Ты мне уже все объяснил, Борко. Спасибо. Спасибо. Десять тысяч раз тебе спасибо. Чего ты еще от меня хочешь? Если бы я знала, что ты так привяжешься ко мне из-за этого адреса, я бы вообще не рассказывала тебе о папе!

– А это здесь при чем? – удивился Борко.

– Я понимаю, наверное, я себя странно веду в последнее время. Но что я могу поделать? Я не хочу тебя обижать, просто...

– Что «просто»?

– Просто нам с тобой больше нельзя общаться.

– Это еще почему?

– Какая разница почему – нельзя, и все тут.

– Это из-за него, да? Я ведь именно о нем и хочу с тобой поговорить... Предупредить тебя!

– Ну да, конечно. Еще что-нибудь придумал? Витан – оборотень, мутант, марсианин, ну? Чего молчишь?

– Дедушка Илия слышал, как Витан смеялся над тобой вместе со своими друзьями, с теми самыми, которые напали на тебя в парке.

– Значит, так все и было?

– Да!

– Знаешь что? Иди лучше рассказывай свои сказки кому-нибудь другому. Мне это неинтересно! Я даже не знаю, кому из вас двоих я больше не верю: тебе или дедушке Илию! Чао!

Марта ускорила шаг, и Борко понял, что догонять ее нет никакого смысла. «Почему это снова происходит? И почему со мной? – спрашивал он себя. – Может быть, я опять сплю? Может, стоит только ущипнуть себя, и я тут же проснусь...»

– Эй, мороженщик, – сказала Эмма, появившись вдруг из ниоткуда, – улетела твоя Марта, да?

– Отстань, не до тебя сейчас.

– Смотри, как красиво летит, – закатила глаза Эмма, – а я ведь тебя предупреждала! Я предупреждала!

«Что же это за день такой, – подумал Борко, – все друг друга о чем-нибудь предупреждают».

– Теперь у нее другие приоритеты, понял? И у Витана тоже... – вздохнула Эмма, глядя, как Марта переходит дорогу, – если бы ты видел, что они там у фонтана...

– А что они там у фонтана? – спросил Борко.

– Да так... – подмигнула Эмма, – но тебе об этом лучше не знать. Ну... Я пойду. Счастливо оставаться!

«Ага, – подумал Борко, – счастливо! Есть у них другие слова или нет? Только прощаться умеют!»

Теперь и он тоже не знал, как дождаться вечера. Наверное, все мы не можем чего-нибудь дождаться. Иногда очень хочется последовать совету Пикассо, наесться желтой краски и спать, пока не наступит вечер, пока не придет лето... Возможно, это не совсем правильно, и нам следовало бы радоваться каждой минуте и каждому часу нашей мимолетной, как говорят философы, жизни. Впрочем, это бывает очень непросто... Иногда время ползет со скоростью черепахи, на которой стоят три слона...

Тогда меня посещают страшные мысли. Я и сам не замечаю, как из доброго дяденьки превращаюсь в хладнокровного убийцу времени. Я придумываю для него самые жестокие пытки и казни. Но время смотрит на меня изо всех уголков моей комнаты и смеется надо мной! Оно выбирается изо всех капканов, которые я для него расставил. И сколько бы

я ни срубил голов на плечах у этого пройдохи, вместо каждой отрубленной головы вырастают три новые и принимают-ся еще громче смеяться надо мной...

Мурашки вдруг пробегают у меня по спине... Я зарываюсь головой в подушку, я листаю мои старые комиксы, протираю пыль на полочках и учусь играть на калимбе, чтобы только не видеть растущего вокруг меня времени, но оно ерошит мне волосы и кусает меня за пальцы. «Не думай о нем, и оно исчезнет», – говорю я себе, но от этого еще больше думаю и никак не могу остановиться.

А когда наконец наступает вечер или приходит лето, я оборачиваюсь назад, и все это длинное, как удав, время вдруг сжимается в одну крохотную точку, которая мне кажется такой милой, такой чудесной точкой, что я рассматриваю ее со всех сторон и не могу наглядеться.

Не исключено, что и Борко рассуждал в этом духе, потому что, когда речь заходит о времени, мы все становимся немного философами. Только, в отличие от меня, он знал, чем себя занять, ведь он был художником, а художники, как известно, знают что-то такое, чего не знают все остальные.

Дома его встретила бабушка Перуника, она как раз приготавливала сарму¹⁰, чтобы внук мог как следует подкрепиться перед ее очередной лекцией о братьях Миладиновых¹¹ и о

¹⁰ Сарма – рулетки из мясного или овощного фарша, завернутые в капустные или виноградные листья.

¹¹ Димитр (1810–1862) и Константин (1830–1862) Миладиновы – деятели ма-

других наших гениях, но на этот раз ему было не до лекций. Он молча разулся и пошел в свою комнату, никому не сказав ни слова.

– Вот до чего парня довело ваше женское воспитание, – сказал папа, – совсем раскис!

– Наше женское воспитание тут ни при чем, – возразили мама с бабушкой, – это, может быть, самое лучшее воспитание на свете! Просто ему немного грустно.

– Надо его было с детства отправлять в туристические походы! Чтобы он учился выживать в лесу! Но теперь-то уже поздно – поглядите, каким неженкой он вырос.

– Сдался тебе этот лес, – сказала мама, – лучше я испеку его любимый шоколадный пирог!!

– Хмм, – нахмурился папа, – тогда я подарю ему штангу и две гантели!

– А я – мои старые носки, – добавил Милче.

– Хорошо, хорошо, – успокоила всех бабушка, – чудесный план. А после все идем на мою лекцию о братьях Миладиновых...

Борко ничего этого не слышал. Он заперся у себя и принялся рисовать. Так он делал всегда... когда не делал чего-нибудь другого. Раньше у него было миллион идей для картин, панно, коллажей, мультфильмов... Он рисовал все: от видимого до невидимого, от обычного до чудесного. Все шкафы и все ящички в его комнате были доверху наполнены

рисунками. Здесь были и пейзажи, и натюрморты, и батальные сцены, и даже совершенно новые, еще неизвестные широкой общественности жанры. Борко рисовал на всем, что попадалось ему под руку. На бумаге и на картоне, на полу и на потолке, на щеках и на пятках... Говорят даже, будто одинокие божьи коровки иногда приходили к нему на балкон и просили нарисовать у них на спине какое-нибудь пятнышко, чтобы им не было так одиноко. И Борко, само собой, не отказывал им. Напротив, он иногда так увлекался, что вместо одного пятнышка рисовал целую сотню, и вот уже по его балкону ползали не божьи коровки... Там бегали самые настоящие леопарды! Только с крылышками.

Воображение его никогда не подводило. День и ночь он был готов искать новые формы и сочетания цветов. Он рисовал за столом, на столе и даже под столом! Рисовал вниз головой и стоя на руках. Рисовал под водой, на ветру, на горячих углях! Ничто не могло помешать ему – ни шторм, ни буран, ни цунами. Повсюду он находил красоту: и в полевых мышках, и в городской суете, и в машинном масле, и в вишневом компоте. И так было всегда... Всегда, но только не в этот раз.

Вот уже несколько дней подряд он работал лишь над одной картиной. Он собрал в охапку все свои старые наброски, убрал их в бабушкин комод и закрыл на ключ. «Нужно будет их сжечь, – сказал он себе, – потомки не должны узнать, что когда-то я тратил время на подобного рода безделки. Я

сожгу их где-нибудь далеко за городом вместе с тетрадками по математике, физике... вместе со всеми тетрадками».

Больше его не занимали другие миры и планеты, плевать он хотел на идеи кубистов, фовистов и сюрреалистов. Теперь у него была только одна идея и только одна забота – закончить до своей смерти ее портрет... В том, что осталось ему недолго, он даже не сомневался. «Как только портрет будет закончен, ко мне в гости придут Никола Мартиновски и Лазар Личеноски¹², придут и скажут: „Борко! Ну ты даешь! Мы бы так не нарисовали! Пойдем теперь с нами на седьмое небо художников, ты это заслужил”. Бабушка с мамой, само собой, будут плакать, папа и Милче всплакнут немножко, но Марта... Марта будет прямо-таки рыдать! Она прибежит ко мне на кладбище, растолкает всех, бросится прямо на гроб и крикнет: „Борко! Любимый! Прости меня!” Слишком поздно... Великого Борко уже не будет на этой земле. От него останутся лишь картины. Портрет его возлюбленной войдет в историю и всем Мартам будущего будет служить предостережением – не оставляйте своего Борко!...»

Так думал наш вдохновенный художник, стоя за мольбертом и размахивая кистью, как некогда Марко Королевич¹³ размахивал булавой. Краска летела во все стороны, и вместе с ней пролетало время... Одна техника сменяла другую, за

¹² Никола Мартиновски (1903–1973), Лазар Личеноски (1901–1964) – македонские художники-модернисты.

¹³ Марко Королевич – персонаж македонского и балканского фольклора.

одним смелым мазком следовал другой, еще более смелый. Если бы вы только видели этот портрет, вы бы сразу поняли, что все мировые школы живописи для того только и существовали, чтобы он воплотился из небытия.

Когда день уже клонился к закату, Борко распахнул дверь своей комнаты и вышел в коридор, где его как раз поджидала мама с шоколадным тортом, папа с гантелями и бабушка с братьями Миладиновыми.

– Сюрприз! – сказали они, и Милче подбросил вверх свои старые носки, но Борко даже не посмотрел на них. Он обулся и пошел в парк. В последнее время все дороги вели именно туда.

Солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая небо в красный. Борко тогда было не до красот природы, но если бы он посмотрел наверх, то увидел бы там и рубиновый, и багровый, и даже кирпичный цвет. Но он смотрел себе под ноги и шел туда, где его никто не ждал. Шел, сам не зная зачем, – просто он не мог по-другому.

Теплый ветер трепал его черные шелковистые волосы. Из доверчивых и когда-то веселых глаз смотрели безлунные ночи. Птицы пели в кронах деревьев. Праздник жизни, шумевший вокруг него... Что он был такое по сравнению с печалью, поселившейся в сердце юного мастера?

«Злая, злая моя судьба, – думал он, – наверное, надо мной тяготеет древнее проклятье. Каждый, кто возьмет в руки палитру и кисть, обречен на скитания и непонимание... Но чем

я заслужил этот удар судьбы? Этот удар исподтишка! Я поднимался на вершины блаженства, я почти что был на Парнасе, на Эвересте моего искусства, и вдруг... Словно бы темнота окутала меня со всех сторон. Как будто бы вдруг стало холодно, и все солнца во вселенной погасли... И все это из-за тебя, Марта...»

Так он думал или это я за него все придумал – мы уже никогда не узнаем. В конце концов, что нам только ни приходит в голову, когда мы чувствуем себя самыми несчастными художниками на всем белом свете.

Борко остановился под березами прямо напротив фонтана и стал ждать. Честно говоря, он бы не хотел ничего дожидаться, но... Увы, дождался.

«Пожалуйста... – шептал он, – пожалуйста, пусть все это будет неправдой. Пусть все это окажется ночным кошмаром, который никогда больше не повторится. Я проснусь, и мы вместе с Мартой пойдем в школу. Никогда больше не буду смотреть на ночь фильмы ужасов. Никогда больше не буду съедать за обедом два десерта – все что угодно, только не это, только не это, только не это...»

Парковые дорожки понемногу темнели, и даже небо уже ничего не стыдилось, потому что все его краски разлились по щекам художника. Они вдруг покраснели, как две садовые розы, на которые, будто бы из двух леек, полился дождь – целый ливень слез.

Он больше не мог сдерживаться, да и зачем, кому это нуж-

но? Зачем теперь быть смелым и сильным? С какой такой стати? Он ведь своими глазами видел, как она обнимала Витязя... Это значило, что битва была проиграна – Эмма сказала правду, так что оставалось только одно – плакать...

И он плакал, сидя под березами. Там, где его никто не замечал. Борко еще никогда в жизни не было так больно – даже когда он падал и разбивал коленки. Это ни с чем нельзя было сравнить. Ему казалось, что наступают его последние минуты... Жить дальше было просто невозможно. Это все равно что нести на себе целую гору. Все равно что ходить по гвоздям и иголкам... Просто невозможно.

И где-то в вышине ему уже стали мерещиться два силуэта – Никола Мартиновски и Лазар Личеновски. Тем вечером только им одним и было его жалко. Они бы даже достали ластик и стерли все слезы с его лица, да только вот... Забыли их с собой взять.

Аргонавт времени

Да, бывает такое, что всем вокруг хорошо – всем, кроме тебя. Иногда даже камням завидуешь, потому что они ничего не чувствуют. А ты все чувствуешь... Так бы, кажется, и превратился в какой-нибудь камешек на дороге или в морскую гальку, чтобы лежать себе тихонько и ни о чем не беспокоиться. Кругом ходят люди, проплывают киты, а ты и знать этого не знаешь, потому что ты простой камешек на дороге или морская галька...

В крайнем случае можно было бы стать каким-нибудь жуком, бабочкой или птицей. Говорят, они тоже намного счастливее нас... Или даже не счастливее – они ведь даже не догадываются, что есть такие слова: «счастье», «несчастье», и, наверное, в этом их счастье. Они могут летать, куда захотят, и не переживать из-за всякой ерунды вроде влюбленностей.

Будь я на их месте, я бы летал мимо моей школы и хихикал... Только представьте, какое у вас было бы лицо, если бы на уроке математики вы посмотрели в окно и увидели там меня в виде бабочки, которая хихикает...

Это было бы очень интересно, согласитесь? А то что-то скучно стало в последнее время. Марта и Борко совсем про меня забыли, только о себе и думают... Ну и друг о друге, само собой. А что будет, когда они совсем вырастут?

Нет, мне это все не нравится, надо это все бросить и написать книжку про камни или про жуков... С ними, по крайней мере, все понятно. А с этими мальчиками и девочками? Тьфу! Черт ногу сломит. Но да ладно... раз уж я сказал А, надо сказать и Б.

Уроки для них обоих превратились в настоящее мучение. Борко просто не мог находиться с ней в одном классе. Он даже хотел было перевестись в другой или притвориться больным... «Я ненавижу ее, – повторял он себе, – я не помню, как ее зовут! Она самая противная девчонка во всей школе, во всем городе...» Но стоило ему только посмотреть на нее, как его мысли тут же приобретали совсем другое направление.

А Марта... Марта пыталась разобраться в том, что с ней происходит, но это было не так-то просто. «Может быть, я и вправду самая противная девчонка в городе? – спрашивала она себя, заметив, как он на нее смотрит. – Мы ведь еще в первом классе пообещали друг другу... но да мало ли что там было в первом классе?! И все-таки... нужно будет перед ним извиниться. Только вот зачем? Он меня даже слушать не хочет. Разве я виновата, что появился Витан? Конечно, все это очень неожиданно... Но ведь по-другому, наверное, и не бывает.

Витан просто волшебный!!! И почему мы с ним раньше не познакомились? С ним можно говорить обо всем на свете, и он... Он иногда так замечательно молчит в ответ! Все

чаще и чаще молчит. А было бы очень хорошо, если бы он поддерживал меня, как Борко, если бы он нашел для меня адрес моего папы... А еще лучше было бы, если бы он узнал его номер телефона! Наверное, я слишком много хочу...

Вчера вечером он меня как будто совсем не слушал! Может, что-то случилось? Витан был такой веселый, а теперь он так часто хмурится, и у него на лбу появляется длинная морщинка, похожая на волну в Охридском озере, на холодный рассвет или трещинку на льду...»

Марте, как и всем остальным, было жарко. Очень жарко. По-моему, если уж приходится учиться в мае, если это, правда, необходимо – лучше всего было бы заниматься в бассейне или в Охридском озере. А так... вместо математики думаешь о том, как придешь домой и выпьешь целую бутылку воды, приложишь ко лбу холодильник и до самого вечера так пролежишь.

Каждый спасался как мог. Ацо и Гоце, например... Честно говоря, даже не знаю, как назвать то, чем они занимались.

– Сейчас ты будешь морем, – сказал Гоце, – а я буду туристом. Ты будешь шуметь мне в ухо, а я буду отдыхать.

– Почему это я должен шуметь тебе в ухо, а ты отдыхать? – не понял Гоце. – Давай наоборот!

– Нет, давай лучше сделаем так: я дую в твои уши, а ты в мои – тогда у нас получится два моря! Так будет прохладнее!

– Не буду я тебе в уши дуть! Ищи дурака! Давай лучше, как обычно, будем изображать туристов.

Эмма тоже не отказалась бы от путешествия, но, видно, все путевки были такие горячие – обжечься можно, поэтому она только обмахивалась тетрадкой, как веером, скучала и шумно вздыхала. Казалось, еще немного, и она увидит белого кролика, но ей уже было все равно. «Да хоть мамонта, – думала она, – только бы глаза мои не видели всех этих квадратичных функций».

– Так, так, так, – улыбнулся учитель математики Матагута, – кто здесь хочет послужить величайшей из наук?

Никто не ответил. В классе вдруг стало тихо-тихо, так что было слышно, как где-то далеко шумит море...

– Но как же так, дети? – удивился учитель, – У меня для вас есть премиленькое уравнение! И еще три задачки! Такие симпатичные задачки, вы таких никогда не видели!

После очередной паузы Эмма спросила:

– Извините, пожалуйста, можно выйти?

– О-о-о! У нас доброволец, – обрадовался учитель, – выходите поскорее к доске, вот вам мелок, юная леди. Записывайте уравнение!

– Я имела в виду... – сказала Эмма, но было уже поздно.

– Записывайте уравнение! – прошебетал Матагута. – Игрек равен икс в квадрате плюс... Что такое, Эммочка, почему вы не пишете?

– Я думаю... Я...

– И о чем же это вы думаете? – нахмурился учитель.

– Я думаю... может, мы лучше попросим Марту это ре-

шить. Она с удовольствием согласится. Правда, Марта?

– Ну уж нет, – возразил Матагута, – Марта уже в прошлый раз отвечала. Помнится, она нам доказала теорему Пуанкаре. И в позапрошлый раз тоже отвечала Марта. Замечательный был ответ! У меня до сих пор перед глазами числа Фибоначчи прыгают. Я их перед сном вместо овец считаю.

– Если хотите... – протянула Марта. – Если надо, то я могу вам еще чего-нибудь доказать.

– Нет-нет-нет, – затараторил учитель, – нам пока хватит. Такими темпами я засомневаюсь в своих математических способностях, – пробормотал он, – будьте так добры, Эмма, продолжайте, пожалуйста. Игрек равен... Ну что опять такое?

– Мне правда надо выйти... Мне нехорошо...

– Что с вами, Эмма?

– Я не знаю. Мне кажется, у меня аллергия на математику... Апчхи!

– Хватит выдумывать, Эмма! Ну что вы как маленькая, в самом деле!

– И голова кружится, и вообще...

– Хорошо, Эмма, выйдите, если вам так надо. Кто еще хочет решить уравнение?

– Премиленькое уравнение! – поправил его Ацо.

– Так-так-так, молодой человек! По-моему, вы хотите ответить!

– Да я бы с радостью... – поник вдруг Ацо. – Но... но...

понимаете, у меня... У меня, в общем, семейные обстоятельства.

– Какие же у вас обстоятельства?

– Понимаете, дело в том, что у меня... у меня хомяк умер.

– Ах вот оно что. Хомяк у вас, значит, умер. Ну и что с того?

– Как что с того? – возмутился Ацо, которому вдруг стало от всей души жаль хомяка, которого он в глаза не видел. – Это ведь живое существо! Почти что член семьи! Да он же мне как родной...

– Ясно, – сказал Матагута, – а как насчет вашего соседа по парте? Надеюсь, у него никто не умер?

– Я бы тоже хотел на это надеяться, – всхлипнул Гоце, – но, к сожалению...

– Что на этот раз?

– Понимаете, Маршал Тито...

– Что? И вы туда же? Маршал Тито, царствие ему небесное, умер не на прошлой неделе!

– Да, я знаю, но я говорю о другом маршале Тито...

– О каком еще другом маршале Тито?

– Понимаете, у меня был ручной сурок...

– Стоп, стоп, стоп! Хватит! Вы сейчас у меня договоритесь! Кто будет отвечать? Может быть... – Тут он обвел класс пристальным взглядом... – Борко! Не хотите ли вы решить это простенькое, но очень симпатичное уравнение?

– Да, конечно... – пробормотал Борко, – теперь это уже

не имеет никакого значения.

– Что значит «не имеет значения»? – удивился Матагута.

– В масштабе вселенной ничто не имеет значения, – объяснил Борко, – все пришло из праха...

– Все, все! Хватит! – замахал руками Матагута. – Сидите, сидите. Сегодня можете не отвечать.

– Как скажете, – пожал плечами Борко.

– Тогда, может быть, Виолета? – спросил учитель.

– У нее сегодня стоматолог.

– А Войданка?

– А у нее гастроэнтеролог.

– О господи! Что же мне с вами делать? Почему же вы так не любите математику?

– Не то чтобы мы ее не любим, – ответила за всех Марта, – просто нам сейчас есть о чем подумать, кроме математики. Разве у вас так не было в нашем возрасте?

– Хм... Много воды утекло с тех пор. К тому же я ведь несколько раз был в вашем возрасте.

– То есть? – оживились все, предчувствуя, что сейчас что-то будет. – Как это?

– И вы тоже несколько раз были в моем возрасте, – сказал Матагута, – если бы вы учили математику, вы бы знали, что все в мире вечно и прекрасно. А в основе всего лежат числа!

– Конечно, конечно, – шепнул Ацо, – а еще слезы простых, ни в чем не повинных хомяков!

– И сурков! – всплакнул Гоце.

– И самого Пифагора... – вдохновенно продолжал Матагута, – я знал самого Пифагора! Как сейчас его вижу. Какой ум... Ах... Какой размах мысли! Помню, мы вместе с ним ходили на море купаться. Он чертил на песке треугольники и плакал от умиления! И да, кстати, у него не было никаких штанов! Их еще просто не придумали...

– Да уж, – сказал Ацо, – мы, значит, его теорему тут доказываем, а у него даже штанов не было!

– Это просто возмутительно, – нахмурился Гоце, – просто...

– Замечательно... – протянул Матагута, – помнится, я был знаком с удивительным человеком – с великим Аль-Хорезми... Ах! Какой ум... Какой размах мысли! Он постоянно работал и ни секундочки не отдыхал. Само собой, я ему говорил: «Дружище, отдохни немножко. Пойдем лучше кофе выпьем. Знаешь, какой у нас в Македонии кофе? Шоколад, а не кофе!» Но великий Аль-Хорезми в ответ на все мои приглашения только головой качал и опять на звезды смотрел. Никак он без них не мог. Стоит посреди пустыни, пьет этот ночной воздух и шепчет по-арабски свои алгоритмы... Так я его и не угостил кофе. Но да ничего, даст бог, мы с ним в следующей жизни увидимся, и вот тогда...

«Никогда уже ничего не будет...» – подумал Борко.

– Будет, будет... – сказал учитель, зажмурившись, – удивительно все устроено в этом мире. Как-то раз я встретил одну пресимпатичнейшую особу...

– А вы уверены, – спросил Гоце, – что она была пресимпатичнейшая, а не премиленькая?

– Абсолютно уверен. Впрочем, нет... Она была премиленькая.

– Так какая же она была?

– Я вам уже все объяснил и дважды повторять не собираюсь (разве что в следующей жизни). Мы познакомились с ней пару веков назад на одной зеленой лужайке...

– С кем именно? – уточнил Ацо, который ни на секунду не забывал о том, что математика – это точная наука.

– Но как же? – заволновался учитель. – С той самой...

– Премиленькой? – спросил Гоце. – Простите, пожалуйста, что перебил вас. Я наверное, что-то пропустил: по какой формуле мы сейчас решаем?

– Что решаем?! – схватился за голову Матагута.

– Как что? Уравнения ваших жизней!

– Я... Я... – сказал Матагута, – кажется, я немного запутался. А вообще, дети, запомните раз и навсегда: жизнь – настолько сложная и прекрасная штука, что ее ни одним уравнением не передашь. Впрочем, если очень постараться...

Но никто так и не узнал, что будет, если очень постараться, потому что в класс вдруг вошла Эмма, и учитель встретил ее ласковой улыбкой:

– Вернулись? – спросил он.

– Вернулась, – ответила Эмма.

– Ну раз уж вы вернулись, вот вам мелок, и вот вам урав-

неньце... – пропел он, – чудесное уравниенье! Кто решит первым, тому расскажу о моей встрече с Декартом!

«Да уж, – подумала Эмма, взяв протянутый ей мелок, – надо было идти за белым кроликом. Все равно у нас не школа, а Страна чудес!»

– Вот именно, – поддержал ее Ацо, – и это еще называется «гуманная педагогика».

– Очень туманная, – кивнул Гоце, – ничего не скажешь.

Мата, ooh, ooh, ooh

– Так ничего и не скажешь? – спросила Бисера у Марты, когда та вернулась из школы.

– А что нужно сказать?

– Да хоть что-нибудь!

– Не хочется что-то.

– Ну хотя бы расскажи, как в школе дела?

– Там... – начала было Марта, но только рукой махнула, – долго рассказывать.

Каждый день она по несколько раз заглядывала в почтовый ящик, надеясь найти письмо от папы. Но прошло слишком мало времени... Несмотря на то что Марта это прекрасно понимала, ей не терпелось поскорее получить ответ.

«В конце концов, он ведь умный и взрослый дядя, этот мой папа, – думала она, – мог бы уже хоть как-нибудь дать о себе знать. Было бы хорошо, например, если бы я проснулась, открыла глаза и нашла под подушкой письмо от него. Или если бы ко мне прилетала стая швейцарских голубей, и у каждого на лапке была бы для меня записка...»

Зная, как у нас работает почта, я считаю, что идея Марты с голубями не так уж плоха. Когда-то давным-давно, когда я еще учился в школе, я отправил одной моей однокласснице, которая жила на другом конце города, открытку и понаписал

в ней страшные глупости вроде того, что жить без нее не могу и уже еле дышу от любви.

На следующий день после того, как я отправил эту открытку, моя одноклассница мне совершенно разонравилась. Разве ей так сложно было подсказать мне на уроке биологии, сколько костей в теле взрослого человека? Видимо, сложно. Она мне просто не оставила выбора, и в тот же день я отправил открытку другой моей однокласснице...

Так повторялось черт знает сколько раз, но факт остается фактом – я окончил школу, окончил университет, устроился на работу, но ни одна из моих бывших одноклассниц так и не получила открытку. И только когда я женился... они вдруг все заглянули в почтовые ящики и обнаружили там мои признания в вечной любви.

И вот тогда... я очень пожалел, что вообще научился писать, потому что мои бывшие одноклассницы одна за одной принялись звонить моей жене и пересчитывать мне ребра (вот где их познания в анатомии пришлись как нельзя кстати!). И чего только моя благоверная не узнала обо мне...

Я уже было решил: «Все, приехали... Она меня ни за что не простит», стал уже собирать вещи – хорошо хоть у моей жены с чувством юмора все в порядке. Она мне все помогла собрать, а потом от души посмеялась...

И вот она смеется, значит, смеется и уже немного плачет, как вдруг мне звонит мой бывший одноклассник, а потом еще один и еще... Они, оказывается, тоже получили открыт-

ки. Только на этот раз не от меня... И теперь уже моя спутница жизни стала вспоминать, где там ее чемоданчик, – хорошо хоть у меня с чувством юмора все в порядке – она собирает, а я разбираю. Она собирает, а я разбираю!

Вот только она все равно ушла. Не стала мириться с тем, что я ей изменял до знакомства с ней. Наверное, это даже правильно. Есть вещи, которые нельзя прощать.

С тех пор я никому не отправляю открыток. Если что нужно сказать, так я это сразу говорю, в лицо, ничего не стесняясь. А чтобы потом не жалеть о сказанном, я заранее думаю: «Ага, человек он неплохой, даже хороший, но через пару лет он скорее всего станет бездельником и грубияном, и в конце концов он мне страшно надоест, надо ему заранее об этом сказать, чтобы он не обольщался».

И знаете... это очень эффективный метод. Люди действительно перестают обольщаться. Более того, они перестают со мной общаться, и все становится просто и понятно – никаких недоразумений.

А ведь все началось с почты! Удивительно, как иногда наше настроение, а иногда и наша судьба зависят от того, как работает почта, от того, во сколько ложатся спать наши соседи, от того, наконец, сколько костей в теле взрослого человека – 25 или 205! Из-за каких мелочей... ну или не совсем мелочей мы иногда радуемся или грустим.

Кто знает, может, если бы македонская почта летала со

скоростью молнии, то, что произошло с Мартой, могло бы и не произойти. К ней бы приехал папа и сказал: «Прости меня, дочка, я перед тобой очень виноват». А Марта сказала бы: «Ну, знаешь ли, папа, мне надо подумать, а пока я думаю, пойдем с тобой поедем мороженого». И все было бы хорошо.

Но македонская почта не летала со скоростью молнии, и с каждым днем Марта чувствовала себя все одиночье и одиночье. Наверное, так нельзя сказать, но именно так себя чувствовала Марта. Ей нужна была поддержка, забота, любовь, нежность, доверие... Ей нужен был настоящий друг, золотое сердце... И все это она искала там, где искать не было никакого смысла.

При всем желании Витязь никак бы не смог ей помочь. Ему бы для начала надо было в самом себе разобраться, но ему было не до этого... Фонтанные ребята уже начинали посмеиваться над ним. Они заметили, что Витязь как-то по-особенному смотрит на Марту, совсем не так, как на своих предыдущих девушек.

– Ну что, влюбился? – сказал ему как-то Джо. – Только о ней и говоришь.

– Не переживай, – утешил его Ник, – я тоже, бывает, влюбляюсь, но у меня это быстро проходит. Как простуда.

– Эх, сейчас бы лахмаджун¹⁴ накрутить... – облизнулся Пантера.

¹⁴ Лахмаджун – тонкая хрустящая лепешка с начинкой из мелко рубленного мяса и свежих овощей.

– Тихо, – оборвал их Витязь, – ничего я не влюбился! Все идет по плану, ясно?

– Ну смотри, капитан, – улыбнулся Джо, – не оплошай, а то ведь всякое бывает.

– Что значит «всякое бывает»?

– Сам понимаешь, надо отвечать за свои слова... Мы сделали все, как ты просил. Теперь твоя очередь... Мы ведь тоже хотим кого-нибудь спасти от «хулиганов».

– Я-то вам зачем? Парк большой, делайте что хотите, мне это больше неинтересно.

– Вот как... – протянул Джо. – Ну ладно... Не хочешь – как хочешь. Не знал, что ты у нас такой честный. Я тогда пойду сейчас к Марте и все ей расскажу.

– Только попробуй!

– А вот возьму и попробую, что ты мне сделаешь, а?

Витязь подумал, что и впрямь ничего не сможет ему сделать. Ник и Пантера в любой момент могли перейти на сторону Джо, а он не хотел потерять их, а точнее, свою власть над ними. И хотя про себя, а иногда и вслух он называл их идиотами, это все-таки были его идиоты, которые во всем и всегда его слушались.

Витязь чувствовал, что готовится переворот, что еще немного – и его выгонят из собственной компании. И что он тогда будет делать? Куда пойдет? Одним словом, этого нельзя было допустить.

– Ладно, – сплюнул он под ноги Джо, – все будет как в

прошлый раз.

– Значит, мы снова будем смотреть твоё кино, – спросил Пантера, – сцена поцелуя, да?

– Если я захочу, то будешь, а если...

– Нет, нет, нет, – покачал головой Джо, – так не пойдет. Мы что, зря старались? Мы хотим увидеть поцелуй вживую, а не на экране, как в прошлый раз, – кино своё будешь кому-нибудь другому показывать!

– Что ты сказал? А ну повтори...

– Что слышал! Если ты думаешь, что мы тебя боимся, то сильно ошибаешься. Времена меняются, понял? У тебя ведь нет никакого кино! Ты только и делаешь, что болтаешь. Никакой ты не режиссер! Думал, всю жизнь нам будешь показывать чужие фильмы и выдавать за свои? Мы тебя давно раскусили! И все почему?

– Потому что мы умные, – объяснил Ник.

– Но... – сказал Джо.

– Что «но»? – прорычал Витан.

– У тебя ещё есть шанс. Доведи этот спектакль до конца.

– И мы будем тебе аплодировать, – сказал Ник.

– И целое ведро попкорна подарим! – подмигнул Пантера.

– Решать, конечно, тебе... Но ты ведь знаешь, что мы очень требовательные зрители... В общем, нам нужны билеты в первый ряд, правда, парни?

– Да! Вот именно! – крикнули Пантера и Ник. – Все-таки не каждый день такую зазнайку, как эта Марта, обводят во-

круг пальца!

– А если я скажу «нет»?

– Тогда мы тебя исключим из нашего клуба фонтанных ребят.

– Разве, – спросил Ник, – у нас есть какой-то клуб?

– Тихо! – скомандовал Джо. – Ну так что? Ты с нами?

– Я... – засомневался вдруг Витязь, но, посмотрев на ехидное лицо этого подлизы, который непонятно когда успел так обнаглеть, сказал: – Хорошо... Завтра играем последнюю сцену.

Только вот Марта и знать не знала, что завтра все закончится. Ей, наоборот, казалось, что все только начинается. Если бы еще папа приехал... Если бы... Если бы... Если бы не вымерла птица моя, если бы каждый день, выйдя во двор, можно было найти там кошелек с тремя миллионами... Слишком много этих «если бы». Впрочем, и без трех миллионов Марта себя неплохо чувствовала. А по вымершей птице моя она, конечно, скучала, но, может быть, не так сильно, как по своему папе, которого она тоже никогда не видела.

Иногда ей было так обидно, когда она обо всем этом думала, что ей хотелось забраться на крышу и кидаться в прохожих черепицей. Конечно, она понимала, что этим делу не поможешь, но ведь надо было что-то придумать... Как-то объяснить всем, что они ходят на работу, перебирают какие-то бумажки, как ее мама, рассуждают о марсианах, рисуют, сплетничают, пока она, Марта, ждет ответа на свое пись-

мо и, может быть, зря ждет. Нужно было это как-то объяснить...

– Так ничего и не скажешь? – снова спросила Бисера, но Марта только покачала головой и пошла к себе в комнату.

Нет химии

Даже не знаю, как мне рассказать о том, что произошло дальше. Слишком все это страшно. Будь на то моя воля, я бы и вовсе об этом не рассказывал. У меня, знаете, есть много хороших историй в запасе. С моими родственниками и друзьями что ни день случается что-нибудь забавное... Только вот мне не до смеха, и раз уж с Мартой произошло то, что произошло, я должен об этом рассказать. Из песни, как говорится, слов не выкинешь.

Ничто не предвещало беды. Прекрасная Анна, как обычно, смотрелась украдкой в зеркальце и думала: «Ах, ах, как я прекрасна... Как я совершенна... Как таблица Менделеева».

В классе шептались, по три раза перечитывали условие задачи и все поглядывали на часы: «Когда же домой? Ну когда уже?» Некоторые так внимательно смотрели на стрелки, что можно было подумать: они пытаются их заколдовать.

До каникул уже оставалось всего ничего, и даже Прекрасная Анна толком не понимала, что она делает в школе, для кого старается. Она тоже поглядывала на часы, и ей было немного жалко, что она умеет растворять пенопласт в ацетоне и раскрашивать розы с помощью аммиака, но не может просто взять и уйти с урока, потому что она учитель и ей нужно держать себя в руках.

«И о чем бы им еще рассказать? – спрашивала она себя. – Амфотерные гидроксиды? Нет, нет, это уже было. Мы ведь всю программу уже прошли. Тогда, может, повторить что-нибудь? Электроотрицательность? Эх... не сидела бы я сейчас здесь, если бы тогда не возникла эта дурацкая электроотрицательность между мной и тем симпатичным... Но нет, нет, нет, это совершенно непрофессионально. Нужно взять себя в руки...»

– Марта, что это ты бездельничаешь? – спросила она.

– Ничего я не бездельничаю, – сказала Марта, – я просто все в уме решаю.

– Конечно, конечно, Марта, не надо мне тут сказки рассказывать! Ты, конечно, очень умная девочка, лучшая ученица в классе, но все-таки... Надо ведь хоть немного стараться.

«Вот привязалась», – подумала Марта, а вслух сказала:

– Я и стараюсь, разве не видно?

– Что-то не особо... Я понимаю, лето не за горами. Ну и что? Мы все еще учимся! Это не только к Марте, это ко всем относится! Даже если у вас в журнале одни пятерки, это еще ничего не значит. Я ведь в любой момент могу там что-нибудь подправить, что-нибудь дорисовать...

– А мне все равно, – спокойно ответила Марта.

– Что? Как это тебе все равно? – возмутилась Прекрасная Анна.

– Вот дела, – присвистнули Ацо и Гоце, – наш человек!

Молодец, Марта!

– Мне все равно, – повторила она, – рисуйте там что хотите.

Прекрасная Анна так и застыла в недоумении. Само собой, она и раньше замечала – с девочкой творится что-то неладное. Это ведь была главная тема, которая обсуждалась на педсовете, – что делать с Мартой?

Одни предлагали оставить ее на второй год, другие – на третий, потому что на самом деле все ее очень любили и просто представить себе не могли школы имени Иоганна Генриха Песталоцци без Марты Тютюбарты. Кто-то советовал отправить ее в Тибет, чтобы там вместе с буддийскими монахами она вновь обрела внутреннюю гармонию. Кто-то собирал подписи для того, чтобы подарить ей ручного бегемота. В общем, предложений было тьма-тьмушая, но дело так и не сдвинулось с мертвой точки.

И все бы, наверное, обошлось, если бы Прекрасная Анна подошла тогда к своей лучшей ученице и сказала ей: «Ты самая-самая замечательная, Марта. Даже не сомневайся в этом! А если когда-нибудь засомневаешься, приходи ко мне в гости, и я покажу тебе много веселых опытов, чтобы ты вспомнила: нет такого элемента или соединения, которые могли бы с тобой сравниться...»

Наверное, стоило сказать что-нибудь в этом роде. Может быть, не совсем так, но все-таки... Стоило, но Прекрасная Анна ничего подобного не сказала, и, по-моему, ее трудно

в этом винить. Я вот, например, как сейчас помню, в конце урока так уставал, что был сам не свой: руки у меня холодели, и сердце в моей груди почти не билось... Возможно, если бы я тогда кого-нибудь укусил, в Македонии стало бы чуть побольше вампиров.

– Знаю я, откуда ноги растут, – нахмурилась Прекрасная Анна.

– О, – обрадовался Ацо, – я тоже это знаю! Ну наконец-то я хоть что-то знаю.

– Поспокойнее, дети! Поспокойнее. Урок еще не закончился. Марта... до меня тут дошли слухи, что ты связалась с плохой компанией. Я хочу, чтобы ты знала – это тебя до добра не доведет.

– Спасибо... Я как-нибудь сама справлюсь.

– Что же... Хорошо, в таком случае не хочешь ли ты нам продемонстрировать, как из алюминия...

– Ничего я не хочу демонстрировать! Ясно? – чуть не крикнула Марта.

Этого от нее никто не ожидал. Обычно такие реплики попадали в сценарий к Ацо и Гоце, а тут получается, что их вдруг оставили без работы. Войданка зажмурилась, Виолета прищурились, даже многое повидавшая на своем веку Эмма чуть было не подавилась жвачкой, когда это услышала.

В общем, все удивились, но, кажется, никто так и не понял, что же происходило в душе Марты в тот момент. Боюсь,

что и я тоже этого не понял. Моя история подходит к концу, а я все думаю: «Может быть, я рассказал вам совсем не то, что должен был рассказать? Но что я должен был рассказать? Был ли я вообще что-то должен?»

Наверное, от меня все-таки ускользнуло много важного и доброго. Возможно, я все неправильно сделал, неправильно сочинил. Может быть, мне стоило рассказать о том, какие игрушки были у Марты в детстве и как их звали? Или о том, что думают марсиане, когда смотрят на Марту в свои телескопы? Но теперь... теперь уже, наверное, слишком поздно. Если кто-нибудь и виноват в том, что случилось с ней, так это я.

Будь я немного порадостнее, и Марта была бы радостнее. Она бы каждый день пекла блинчики, подбрасывала их высоко-высоко и напевала какую-нибудь песенку. Если бы я не споткнулся на прошлой неделе и не упал в прошлом месяце, Марта бы ни о чем не грустила. Она бы играла на саксофоне и сама танцевала бы под свою музыку, но увы... Какая уж она есть, такой вы ее любите и жалуйте или не любите и не жалуйте. Тут уж как вам нравится, потому что другой Марты... Хм... Другая Марта? А что? Звучит неплохо. Надо будет об этом поразмышлять на досуге.

– Вот так, значит... – сказала Прекрасная Анна, – а если вы сейчас открою журнал и нарисую тебе там... двойку!
– Пожалуйста, рисуйте на здоровье!

Все так и ахнули. А Войданка с Виолеттой даже охнули. Приближался конец света – не иначе. Где это видано, чтобы отличница говорила такие страшные вещи?! Вот-вот, казалось, под ней разверзнется земля, реки выйдут из берегов, прилетят тучи саранчи и съедят весь урожай. Неизвестно, как бы они пережили тот урок, если бы Ацо и Гоце которые тоже очень испугались, не обняли их покрепче, приготовившись к самому худшему.

– Вот так, значит, – нахмурилась Прекрасная Анна, – а если я там нарисую... две двойки?!

– Плевать я хотела на ваши двойки, – не выдержала Марта, – и на вашу химию, и на эту школу!

– Марта, я тебя предупреждаю последний раз...

– Предупреждайте кого-нибудь другого, а я ухожу! Хорошего всем лета!

Тут Марта поднялась со своего места и молча направилась к выходу. Все смотрели на нее не дыша и только глазами хлопали. Всем вдруг стало не по себе, а у Прекрасной Анны чуть было не прекратился обмен веществ – за всю свою жизнь она еще не видела такого бунта... такой революции! Нужно было что-то предпринять, как-то остановить Марту, но куда уж там... Пожар революции, первой любви и одиночества вовсю полыхал в сердце Марты, и ничто не могло ее остановить.

– Марта, немедленно вернись на свое место! Я считаю до трех... Марта, пожалуйста... – все повторяла и повторяла

Прекрасная Анна, хотя Марты уже и след простыл.

Не фонтан

«Куда же она пошла?» – спросите вы меня. В зоопарк? В кино? В кафе, чтобы немного развеяться. На границу с Грецией, чтобы... Не знаю зачем, но в любом случае нет, потому что Марта пошла к фонтану. Ей так хотелось услышать что-нибудь хорошее... А еще ей хотелось погладить котенка или цыпленка... Но в школе не было ни цыплят, ни котят, а без них иногда бывает очень тяжело. Конечно же, в школе были Эмма и Борко, но Марте казалось, что они до смерти на нее обижены и никогда уже не будут с ней общаться.

Слишком много всего бурлило и кипело в ее душе. Какой там Везувий! Ни один вулкан не сравнится с душой влюбленного человека, который, кроме всего прочего, ищет своего папу. Конечно, можно было и досидеть до конца этой дурацкой химии – ничего бы не изменилось. Все равно до звонка оставалась пара минут. Но Марта так на всех разозлилась, что это уже было делом принципа.

«Они и знать не хотят, что я чувствую. Они не видят дальше своего носа. И эти люди пытаются меня чему-то научить! Да я за несколько дней с Витаном узнала больше, чем на всех уроках вместе взятых!»

Конечно, Марта слегка преувеличивала, но разве вам незнакомо это чувство, когда по позвоночнику пробегают

мурашки, когда стискиваешь зубы и сжимаешь кулаки и говоришь сам себе: «Все! Хватит! Я так больше не могу! Подросток я, наконец, или нет? Мне все можно!»

Я вот до сих пор так себе говорю, хотя я уже давно не подросток и едва ли им скоро буду... Ну да все равно, милая моя Марта, я всегда на твоей стороне, каким бы взрослым и злым я ни был, какими бы серьезными делами я ни занимался, и через сто лет я буду на твоей стороне. Если, конечно, я вообще где-нибудь буду через сто лет.

Марта знала, что Витан ждет ее у фонтана. Он всегда ее ждал. Эх, если бы все вещи на свете находились так же легко, как Витан. Бывало, он выскакивал перед ней, будто черт из табакерки. Еще недавно его нигде не было, и вот он вдруг появился в ее жизни, и теперь он повсюду, куда ни глянь: Витан, Витан, Витан. Иногда ей казалось, что стоит только зажмуриться и тихонько позвать его, как он тут же прилетит к ней на своем мотоцикле.

Она шла, все глубже и глубже погружаясь в свои мысли, как потерпевший крушение корабль: «Надо что-то изменить. Очень надо. И почему я все время думаю и ничего не делаю? Может, сбежать из дома и поехать к папе? У меня ведь есть его адрес... Нет, это уж чересчур. Тогда, может, покрасить волосы или проколоть пупок?.. Это можно, да, но этого мало...»

– Марта! – окликнул ее Витан, словно выросший из-под

земли. – Чего такая мрачная?

– О, Витан, привет! А я как раз тебя искала! Хотела с тобой поговорить. Мы в последнее время как-то мало с тобой общались... То есть...

– Чего случилось-то? – спросил Витан.

– Да так, ничего особенного... Я ушла с урока.

– Так держать, – похвалил он ее, – моя школа.

– Да уж... Просто я им совсем не нужна. В этом все дело.

– Не нужна? Кому не нужна?

– Никому!

– Ну и ладно, плюнь ты на них, Марта! Я вот сам по себе и не жалуясь.

– Но я так не могу... И вообще, я хотела тебе сказать, что со мной происходит что-то странное. Может быть, я слишком сильно тебя со всем этим достаю...

– Ну что ты... – сказал Витан, – нет, совсем нет.

– Правда? Тогда давай где-нибудь присядем, и я тебе еще раз обо всем этом расскажу.

– Ну... ладно. Давай...

Честно говоря, с ним тоже творилось что-то непонятное. Может быть, из-за погоды: дни стояли солнечные, но не слишком жаркие. В общем, такие же чудесные, как фрески в Софии Охридской. И только он это решил, как услышал за своей спиной чей-то голос:

– Эй, Витязь! Руки от нее убери! Слышишь, что я сказал?..

Да, это был ревнивый художник Борко. После того, как прозвенел звонок, он первым выбежал из класса, где все чествовали Марту. Даже Прекрасная Анна попросила передать ей, что переборщила и уже совсем не сердится. Борко лучше всех знал, куда пошла Марта. А еще он знал, что нужно было действовать быстро, как можно быстрее.

На этот раз он не собирался стоять там, под березами, и плакать – ну уж нет, больше этого не повторится. «Сейчас я ему все прямо в лицо скажу. Посмотрим, как он у меня попляшет... Жалко, конечно, что я так и не записался на бокс, как хотел папа, ну да ладно, я и так справлюсь... В такой нокаут его отправлю, что хоть до десяти, хоть до ста считай, он у меня не поднимется... Только вот... что, если он меня первым в нокаут отправит? Об этом я как-то не подумал. Надо было сразу сказать родителям, чтобы они меня не ждали к обеду. А еще надо было им спеть бабушкину любимую, вот эту вот: „Ако умрам ил загинам, немој да ме жалите...”¹⁵

– Чего? А ну повтори! – обернулся к нему Витязь.

– А я повторю: руки от нее убрал!

– Да ты вообще кто такой? погоди... я тебя, кажется, помню. Ты тот самый любитель шоколадок.

– А ты обманщик!

– Хватит, – сказала Марта, – что ты вообще здесь делаешь? Не лезь не в свое дело!

¹⁵ «Ако умрам ил загинам» – македонская народная песня («Если я умру или погибну, не жалеете меня»).

– Я все знаю про твой пятничный спектакль! – чуть не крикнул Борко. – Ты все подстроил! Ну, чего ты? Попробуй скажи, что это не так!

– Понятия не имею, о чем ты говоришь. Пойдем, Марта.

– Никуда вы не пойдете! Только через мой труп!

– Как скажешь, – улыбнулся Витязь и хлопнул Борко по плечу, но тот его оттолкнул, да так сильно, что Витязь чуть не упал.

– Последний раз говорю, ты трус и обманщик! Пойдем, Марта. Мы уходим.

– Никуда я с тобой не пойду! У тебя совсем крыша поехала!

– Сам напросился, – процедил Витязь, подошел к Борко и ударил его со всей силы, – думал, я с тобой церемониться буду? Еще раз тебя увижу, ты у меня так легко не отделаешься.

С этими словами он взял Марту за руку и повел ее к мотоциклу. Она не сразу поняла, что произошло, и смотрела то на одного, то на другого.

– Ты его ударил... Ты ударил Борко...

– Ничего, до свадьбы заживет, – сказал Витязь, – что я должен был делать? Он первый начал!

– Но у него кровь!..

– Не маленький. Думать надо было, прежде чем такие глупости про меня говорить.

– Может быть, я лучше пойду проверю...

– Никуда ты не пойдешь! – медленно, по слогам произнес

Витязь, но тут же сменил тон: – Мой старик с тобой очень хочет познакомиться. Он позвал тебя в гости, а ты ведь знаешь, это очень нехорошо – опаздывать.

Витан был сам не свой от ярости. Если бы ему тогда попался на глаза рельс, он бы его, не задумываясь, согнул в бараний рог. Только вот откуда взяться рельсу в самом центре Скопье? В одном можно быть уверенным наверняка: не окажись рядом Марты, он бы этого мальчика-зайчика получше разукрасил, чтобы на всю жизнь запомнил.

Все ведь слышали... Все фонтанные. Этого нельзя было так оставить. Нет... теперь уж все пойдет по плану. Некогда ему расслаживаться на траве и опять слушать всю эту чушь про ее папу, по которому она так скучает, как будто на нем свет клином сошелся. «И это для нее я так старался?! – подумал Витязь. – Читал, болтал всякую ерунду! И все ради этой плаксы! Нет, она, конечно, ничего... Очень даже ничего. Эти черные волосы до плеч. Темные глаза. Голливудская улыбка. И эта необычная помада... Ну да ничего, мы и красивей видали. Все. Хватит. Больше никакой болтовни. Теперь будет как в кино. Как в моем кино...»

– Твой папа зовет меня в гости?

– Садись, и поехали. Знаешь, как он обидится, если ты не придешь? Мне же потом влетит!

– Но... Я не могу. Там... Борко...

– Все ты можешь, – улыбнулся он и посадил ничего не понимающую Марту на мотоцикл, надел на нее шлем и завел

мотор.

Когда они просвистели мимо, Борко стоял у фонтана, прижав ладонь к носу. Если он и думал тогда о чем-нибудь, так только о том, как бы не расплакаться при всех и дотянуть до дома. А еще о том, что он дурак и просто клоун какой-то... Но как бы там ни было и что бы он себе ни думал, собравшиеся вокруг ребята смотрели на него так, как если бы он только что победил дракона.

*Ženskih srca on je gospodar*¹⁶

– Чувствуй себя как дома, – сказал Витязь.

Все еще немного дрожа после того, что произошло, Марта переступила порог... «Нет, все-таки надо было идти в кино или в зоопарк, да куда угодно! Нужно было остаться там, у фонтана. И почему я не осталась? Какая же я после этого подруга? То есть он, конечно, сам виноват... Или не виноват? Я не знаю...»

Марта совсем по-другому представляла себе квартиру Витана: она выглядела так, как будто бы в ней очень давно никто не жил и только время от времени приходили какие-то бродяги и разводили костры прямо на полу... Кругом было мрачно. Сначала запахло чем-то протухшим, а потом – подгоревшим. А эта пыль повсюду... На зеркале, на столе, на диване... Да как же он тут живет? Что-то не похоже, чтобы он был сказочно богат, как говорила Эмма.

Если бы это была задачка по математике, она бы тут же ее решила, тут же поняла что к чему, вот только... это была не задачка по математике.

– Ну, – сказал Витязь, – чего стесняешься? Садись.

– Витан, я, наверное, все-таки...

¹⁶ «Женских сердец он господин». Строчка из песни боснийской и югославской группы Zabranjeno pušenje.

– Ничего ты не все-таки. У меня тут не очень уютно, ты уж прости. Не успел убраться к твоему приходу.

– А твой папа?

– Что мой папа? – не сразу понял Витязь, но быстро нашелся: – Ах да, мой папа, он, наверное, вышел в магазин. Скоро вернется.

Из шкафа вдруг послышался какой-то шорох, и Марте даже показалось, будто кто-то чихнул.

– Что это? – вскрикнула она и прижалась к Витану.

– Это... – сказал он и бросил на шкаф настолько испепеляющий взгляд, что остается загадкой, как он не загорелся, – это мышки. Просто мышки.

– Какие еще мышки?

– Самые обыкновенные. Ты, главное, не переживай. Они тебя не обидят. По-моему, ты что-то хотела мне рассказать. Там, в парке...

– Да-а... Хотела...

– Ну вот и славно. Может, тебе чего-нибудь налить? Чай, кофе?

– Нет... Спасибо. Ничего.

– Ладно. Как скажешь. Я поставлю пластинку, если ты не против. Давно ничего не слушал.

– Но... Витан...

– У меня есть одна замечательная пластинка, совсем новая. Вот она! Сейчас мы с тобой потанцуем.

Марта сидела как на иголках. Все было каким-то непра-

вильным в этом странном месте. В шкафу по-прежнему что-то сопело и шуршало, воздух словно бы становился гуще и темнее, и даже музыка из старого граммофона чем-то напоминала огромную черную кобру, медленно обвивающуюся вокруг Марты.

– Я вас приглашаю, – сказал Витязь и слегка поклонился, – у нас еще есть время до того, как папа вернется. Много времени.

– Витан, мне, наверное...

– Какая ты скромная, Марта! Расслабься, все в порядке. Вот так. Эту руку кладешь сюда, а вот эту сюда. Молодец. У тебя получается. Ну, чего молчишь?

– Так нельзя, Витан. Я пойду. Прости.

– Пожалуйста, никто не держит, – буркнул он, – хотя, конечно, папа расстроится. А я вот уже расстроился. Разве в этом есть что-то плохое, что я хочу потанцевать с тобой?

– Нет, – ответила Марта, – просто... просто я никогда ни с кем не танцевала. Вот.

– В этом нет ничего сложного, – успокоил ее Витязь, – у тебя хорошо получается. Вот так. Вот так. Ты же не хочешь меня обидеть, правда?

– Я уже обидела Борко... Я так его обидела.

– Ну, ну, Борко – взрослый мальчик, должен понимать, что за свои слова нужно отвечать. Я надеюсь, ты не забыла, Марта, кто тебя тогда спас в парке, я или он?

– Ты... – сказала Марта и отвела глаза в сторону, – конеч-

но, ты.

– Так неужели твой спаситель не заслуживает всего лишь одного маленького танца?

– Прости, прости меня, Витан... Все так быстро происходит.

– Ничего, ничего. В первый раз всегда тяжело. Слушай, ты не против, если я включу камеру?

– Что?

– Ну... камеру. Впрочем, это все равно, я ее уже включил.

– Какую еще камеру?!

– Да самую обыкновенную. Ты же знаешь, я хочу стать режиссером. Мне нужен материал и не какой-нибудь, а самый настоящий. Ты меня очень вдохновляешь, Марта.

– Правда?

– Ну конечно! Разве по мне не видно? Ты ведь сама говоришь, что впервые танцуешь. Это обязательно нужно снять! Представляешь, когда ты будешь старенькой бабушкой, то сможешь пересматривать то, что было много-много лет назад!

– Да, это, конечно, здорово... Когда я буду бабушкой... И у нас с тобой будет много-много внуков...

– Чего? Каких еще внуков?

– Ну... наших с тобой.

– А-а-а... этих. Само собой. Куда же без них...

– Кстати, Витан... что это будет за фильм?

– Да так, есть одна идея, – сказал он, – вон, видишь, сколь-

ко уже пленки отснял.

В углу и в самом деле была свалена какая-то куча, в которой Марта не сразу признала гору кинопленки.

– Фильм, конечно, будет о Витязе, то есть обо мне. Не то чтобы я эгоист или много о себе думаю. Просто я считаю, что все фильмы рассказывают истории своих режиссеров. От этого никуда не денешься, и тот, кто пытается это отрицать, обманывает сам себя.

– Хм-м, – только и сказала Марта, – а ты точно Витязь?

– Да. Что за вопросы?

– Я всегда называла тебя Витаном, вот я и забыла, что ты еще и Витязь... Убери, пожалуйста, свою камеру. Подождет твой фильм. Давай просто потанцуем, и я пойду, – сказала она и сама не заметила, как положила голову ему на плечо.

– Да... – ответил Витан, – без проблем... Ладно... – Ему вдруг захотелось попросить у нее прощения. А может, даже и признаться во всем. Но в чем это «во всем»?

Музыка совсем не подходила для того танца, который они танцевали. Все движения выходили каким-то неловкими, и ни один шаг, ни один поворот не попадал в ритм песни, у которой, к тому же, были странные, очень странные слова:

Dulijano Pike, otrov za klinke

Ženskih srca on je gospodar

Zavede je u mraku, u velikom parku

Марта смотрела на Витана, вслушиваясь в то, что кричал граммофон, и в ее голове понемногу собирался этот нехитрый пазл. Конечно, все было понятно с самого начала, но ведь вы еще не забыли, что такое влюбленность, правда? Она все делает таким простым и таким сложным. Я, например, когда влюблен, даже шнурки не могу завязать как следует и постоянно падаю, а потом лежу на земле и думаю о красоте, о птичках и даже о кротах глубоко подо мной...

Вот и Марте уже казалось, что у нее в животе и бабочки, и птицы! Если бы еще можно было всю жизнь танцевать с ним, не обращая внимания ни на темноту, ни на пауков в углах... Да вот только нельзя... не получается... А если и получается, то у кого-нибудь другого, не у нее.

С каждой минутой она все больше и больше понимала: здесь что-то не так. Здесь все не так. В комнате вдруг стало темно и душно. Что-то большое и даже огромное обхватило Марту со всех сторон (это была тревога). Она росла и росла, пока наконец Марте не стало так страшно, как если бы она оказалась в пещере, полной разбойников.

А музыка все играла, и Витязь кружил ее и кружил, так что у нее все плыло перед глазами, как на карусели, которая уже давно должна была остановиться.

¹⁷ Джулиано Пике, яд для девочек, Женских сердец он господин. Он ответит ее в темный парк, А уже завтра ей вслед крикнут: «Дырявый доллар!»

Марта медленно убрала руки с плеч Витана. Сделала несколько шагов назад и еще раз внимательно на него посмотрела. «Кто это? – пронеслось у нее в голове. – Я же совсем его не знаю. Мы ведь так ни разу и не поговорили толком». На лице Витана словно бы разыгралась буря (о сердце я и вовсе молчу). Кажется, он хотел на что-то решиться. Что-то сказать, крикнуть... но не успел – мышки его опередили.

Шкаф вдруг заходил ходуном. Внутри громко стукнуло, брякнуло, а потом дверцы распахнулись настежь, и один за другим из шкафа выпали наши старые знакомые – Джо, Ник и Пантера.

– Сейчас моя очередь была подглядывать, – заявил Джо.

– Да я и не спорю, – сказал Ник, – просто я замерз. Мне нужно было хоть немного подвигаться!

– Нет, я так больше не могу! – возмутился Пантера. – Сколько мы там уже сидим! Вы что, хотите, чтобы я умер от голода? Где мой таратур, где моя мусака?!

Ужасно перепугавшись, Марта вскрикнула и бросилась к двери, которую по счастливой случайности или... кто его знает почему, Витан забыл закрыть. Ей еще никогда в жизни не было так страшно, так больно и так противно. Еще бы, ее ведь только что предали, плюнули ей в лицо, улыбнулись и еще раз плюнули.

Она бежала по лестнице прочь, и мурашки бежали у нее по спине. «Вниз. Вниз. Как можно быстрее. Не оглядывайся! Быстрее, быстрее!» – ей хотелось проснуться. Ущипнуть се-

бя и проснуться, забыть все произошедшее, как ночной кошмар. Вот только это был не сон, и она не могла проснуться. Оставалось только одно – бежать!

Когда она пулей вылетела из подъезда, Джо, Ник и Пантера по-прежнему сидели на полу и выясняли отношения. Им уже было не до нее.

– Кто тут главный? – стучал Джо кулаком по полу. – Если бы не вы, мы бы все прекрасно увидели!

– Я уже ног от холода не чувствую, – сказал Ник, – они вот-вот отвалятся.

– Было бы намного лучше, – проворчал Пантера, – если бы вместо того, чтобы смотреть на эту Марту, мы бы пошли поужинать. Кстати, Витязь...

Витязь пару секунд молчал. Он знал, что теперь уже все точно пропало. Все-все пропало. А ведь этого можно было легко избежать! Надо было просто увести Марту отсюда. И зачем он только увез ее из парка?

– Прочь, пошли прочь, – прошептал он и так посмотрел на этих своих мышек из шкафа, что одежда на них задымилась.

– Что? – спросил Джо. – Ты что, забыл, Витязь? Ты ведь сам нас позвал. Мы обо всем заранее договорились!

– Вон! – крикнул Витан. – Вон, и чтобы я вас больше никогда не видел, ясно!

– погоди, я понимаю, что ты расстроен... – начал было Джо, но Витан подошел к нему, схватил за шиворот и выволок за дверь. Остальных уговаривать не пришлось. Сами по-

няли, что прием окончен.

Оставшись один, Витан закрылся на оба замка и принялся ходить из комнаты в комнату. Он свалил вешалку в прихожей, опрокинул комод и сервант, перебил всю посуду. При этом он, не переставая, кричал, как смертельно больной.

Витан ломал и бил все, что ему попадалось под руку. Все, что не успел сломать и разбить раньше. Вазы и фоторамки. Столы и стулья. Пластинки и граммофон, который по-прежнему что-то пел. Витан схватил его и бросил о стену. Граммофон замолчал. К черту его! Вдребезги! Вдребезги! Все вдребезги!

И зеркало тоже. Главное – зеркало. Витан остановился напротив него, напротив самого себя и вздрогнул... Кто-то словно бы наблюдал за ним с другой стороны.

– Идиот! – прорычал он и ударил по лицу в зеркале... – Идиот! – повторил он и тихо заплакал...

Страдания юной Марты

Марта бежала прочь от дома Витязя, от этого страшного дома. Если бы она могла, то никогда бы не останавливалась. Добежала бы до самого экватора, а потом хоть до Южного полюса. Все для того, чтобы не думать, но... До Северного полюса очень уж далеко.

«Все было неправдой. Все, все, все, все, все это, – думала она, – он просто надо мной посмеялся. И почему я ему поверила? Мне ведь все говорили, что ему нельзя верить. Мне что, больше всех надо? Ненавижу, ненавижу, ненавижу его! И зачем я тогда пошла гулять?! Борко... Он же хотел меня предупредить! Он ведь хотел помочь мне, но теперь...»

Марта и сама не заметила, как вернулась к фонтану. Борко там уже не было, и все казалось таким обычным, как будто ничего и не произошло. «Наверное, я совсем глупая. Что толку от того, что я решаю в уме уравнения, если я просто оставила его здесь. Просто взяла и уехала, да еще и танцевала с ним, с этим...»

– Привет, Марта, – услышала она вдруг знакомый голос, – ты чего такая запыхавшаяся?

– Где Борко? Ты его видела?

– Видела, – сказала Эмма, – а с каких это пор ты им так интересуешься? Я думала...

– Где он?!

– Мне-то откуда знать! Чего пристала? Когда я пришла, его уже здесь не было... Но ребята мне рассказали...

– Что рассказали?

– Борко, говорят, настоящий герой. Как он твоего Витязя-то отделал: на запчасти его разобрал. Столько кровищи было...

– Никогда больше не говори со мной о Витязе! Никогда, слышишь? Знать его не хочу, видеть! Ничего не хочу!

– А что такое? – спокойно спросила Эмма. – Вы что поспорились?

– Это все из-за тебя!

– Из-за меня?

– Это ты мне о нем рассказала, если бы не ты, ничего бы не было!

– Я? Ну ты вообще, Марта...

– Ты ведь мне все уши прожужжала: он такой, он сякой! Вот я и поверила.

– Ну, извини! Своей головой надо было думать.

– Ты даже представить не можешь, как мне сейчас плохо... Все это время он просто использовал меня!

– Значит, сначала ты меня обвиняешь во всем, а потом мне жалуешься? Молодец! Хорошо придумала... Ну, чего у вас там?..

– Я же сказала! Я же попросила! – сказала Марта и заплакала.

– Все, все, не спрашиваю. Только не реви.

– Борко... Он ничего не говорил?.. Про меня?..

– Понятия не имею. Зато я слышала, что домой его целая толпа девочек провожала. Он... ничего. Ничего...

– Перестань! Хватит!

– А что? Что такого? Я всего лишь констатирую факты. Потеряла ты его. Ну да не расстраивайся...

Больше Марта не могла этого слушать. Она отвернулась и, не сказав ни слова, пошла домой.

– Да ты чего! – крикнула вдогонку Эмма. – Я же пошутила! Все ведь хорошо будет!

Но Марта отлично понимала, что ничего уже не будет хорошо. Это было ясно как божий день. Она осталась совсем одна. Ни Борко, ни Эмме – никому из своих одноклассников она не нужна. Учителям – тем более. Про маму и говорить нечего, а папа... Он никогда не приедет. Скорее всего, у нее и нет никакого папы. Она его просто выдумала...

Теперь все это было уже не важно. Что толку решать задачи, если ты никому не нужна? Конечно, впереди каникулы... Но зачем? Для кого? «Наверное, я все делаю только хуже. Вот Борко, например, он просто замечательный, а я просто ужасная. Это же очевидно! Если бы не я, у него бы сейчас все было в порядке. Рисовал бы себе других девочек и радовался... А Прекрасная Анна? Я ведь и ее расстроила. Она же теперь с ума сойдет. Разве она это заслужила? Нет. Никто этого не заслужил».

Когда Марта вернулась домой, Бисера еще была на работе. «Вот и замечательно, – подумала Марта, – так все будет намного проще». Она подошла к столу, открыла дневник и записала в нем: «Больше вопросов нет. Прошу никого не винить...»

Нужно было поскорее покончить со всем этим. Нужно было забыться. Марта еще немного подумала, выглянула в окно... Больше ее ничто не радовало и никогда уже не обрадует. Оставался только один выход, всего одно средство, которое до сих пор за всю историю человечества ни разу не подвело.

«Может, еще что-нибудь написать? – подумала Марта и взяла было ручку, но тут же положила ее обратно. – Что толку? Все равно не поймут. Может, позвонить кому-нибудь? Пойти к Борко? Нет... Нет... Надо все успеть до прихода мамы».

Она по-прежнему плакала и все никак не могла успокоиться. «Если бы я могла снять свою голову и положить ее на полку, это было бы очень кстати. Эмма тут ни при чем. Конечно же, ни при чем. Это даже не из-за Витязя, это все из-за моей головы. Если бы я сейчас сняла ее с себя, я бы немного успокоилась, потому что, если у тебя нет головы, ты особо не поплачешь».

Каждая секунда была на счету, и больше нельзя было терять драгоценное время. Короткая жизнь, то грустная, то смешная, ускользала от Марты.

Ее остекленевший взгляд бродил по комнате, будто путешественник, которого дома никто не ждет. В этом взгляде на секунду мелькнула надежда, он будто бы хотел зацепиться за что-нибудь, найти хоть какое-нибудь объяснение... Но пелена, целая лавина слез опустилась на ее темные глаза, и огонек надежды погас...

В этих стенах она все эти годы мучилась, делала задания, которые никому даром не сдались, мечтала о любви, которой нет на свете, просила маму хоть что-нибудь рассказать ей о папе... И вот, пожалуйста. Где-то там за стенками все это время жили соседи. Они ругались, смеялись, целовались... И так по кругу, изо дня в день. Они даже и не подозревали, что на душе у их юной соседки! Может быть, у нее там камень? Или даже гора! Какое им всем до этого дело? Да никакого! Им и своих забот хватает.

А дальше... этот город за окном, такой большой город. И никто там сейчас не вспоминает о ней, никто не спрашивает себя: «Как себя чувствует Марта?» Тысячи и тысячи абсолютно равнодушных к ней людей! Она умирает от одиночества посреди большого города, и никто не обращает на нее внимания. Все только проходят мимо, спешат по своим делам. Конечно, конечно, им всем нужно решать проблемы мирового масштаба. У них там озоновые дыры, низкие зарплаты, марсиане. И все к одному! Разве у них есть время, чтобы спросить у нее, Марты: «Как дела, Марта? Как ты?» Нет, у них нет на это времени.

А раз так, у нее тоже нет для них времени. Может, оно бы и нашлось... для того, кто ее любит, и для того, кого любит она... Только вот не осталось уже в мире таких людей. Ни одного человека не осталось. Ни одного человечка... Был один, которому она поверила, и вот чем все это закончилось.

Был и другой, который так хотел ей помочь, а она взяла и оттолкнула его. И как с этим быть? Как все это вынести? Это намного сложнее кросса, который они бегали в школе. Это намного сложнее всех задач, вместе взятых, которые Марта когда-либо решила. Это вообще ни с чем нельзя сравнить.

Ей казалось, будто у нее внутри ножи точат и будто бы прямо в сердце втыкают иголки. Одну за другой, одну за другой – не останавливаясь. Это было уже слишком. А для того, кто испытывает такое в первый раз, это было просто невыносимо.

Итак, оставался только один выход, всего одно средство... Марта открыла холодильник, достала ведро мороженого и ни о ком и ни о чем больше не думала.

Дочки-матери

Что тут еще сказать... Если вас спросят, о чем была моя книжка и есть ли в ней хоть какая-нибудь мораль, так вы им ответьте: «Конечно. Само собой! Нельзя есть мороженое в одиночку!» Вот о чем моя книжка.

В тот вечер, когда Бисера наконец вернулась с работы, у Марты уже поднялась температура. Оно и немудрено, у людей с горячим сердцем температура очень легко поднимается. И я не думаю, что дело здесь в одном только мороженом. Мало ли на свете причин, чтобы заболеть?

Кто-то видит слонов и жирафов в клетках, и у него начинаются головные боли. Кто-то слышит фальшивую ноту и падает в обморок... И чего только не бывает! Некоторые всю жизнь ходят и смотрят себе под ноги, и все-то им ничего, но однажды они поднимают голову вверх и говорят про себя: «Ого! О-го-го!»

И такой удивительный мир открывается их взору – мир, в котором есть звезды, и другие планеты, и другие миры... и птицы, и самолеты... И вот когда все это открывается, им или нам с вами открывается – тут уже недолго и заболеть, уж поверьте мне на слово.

– Что с тобой, Марта? – спросила у нее Бисера. – На тебе лица нет!

– Ага... – сказала Марта.

– Что-то случилось? Я вижу, что-то случилось.

– Ага...

– Дай-ка я потрогаю твой лоб. Господи... да ты вся горяишь!

– Кх-кх, – сказала Марта.

– И кашляешь!

– Апчхи!

– И чихаешь! И где это ты так простудилась?

– Там... – ответила Марта и показала рукой в неопределенном направлении.

– Да ведь там теплым-тепло! И ни одной лужи на улице, а ты как будто бы ноги промочила!

– Мам...

– Что «мам»?

– Все заканчивается...

– Да что заканчивается-то?

– Любовь, дружба... Все.

– Ты у меня сейчас договоришься! Я же тебя люблю, – обняла она Марту, – и, по-твоему, это когда-нибудь может закончиться? Я ведь все-таки твоя мама, ты, случайно, не забыла об этом?

– Нет... Только было бы намного проще, если бы меня у тебя не было. Если бы меня совсем не было... Я все только порчу.

– Ну что за ерунда, Марта? Ничего ты не портишь.

– Порчу!

– Не знаю, что на тебя нашло, дочка, но я без тебя... Я не знаю, как я без тебя.

– Ты так говоришь, потому что я варю вкусный суп?

– Нет! Конечно нет! Но у тебя, правда, неплохо получается...

– Потому что я мою посуду?

– Нет, Марта! При чем тут посуда?! Даже если ты будешь специально ее пачкать, я тебя все равно буду любить.

– А если я стану плохо учиться?

– И тогда тоже, Марта!

– А если я...

– И тогда тоже! Что бы ты ни сделала...

– Нет, мам, ты специально так говоришь, чтобы меня успокоить. Я же знаю.

– Молчу, молчу, – сдалась Бисера, – что с тобой будешь делать. А ну-ка марш в кровать! Сейчас мы тебя будем лечить!

– Ну мам...

– Сейчас я тебе покажу «мам»! «Все бессмысленно» – надо до такого додуматься! Сейчас мы тебя будем лечить от этой бессмыслицы.

– Я лучше...

– Лучше я тебя сейчас укрою, и ты у меня будешь пить чай с вареньем. Какое хочешь? Малиновое, клубничное, абрикосовое, арбузное?..

– Ничего я...

– Значит, принесу все! – сказала Бисера. – А еще я тебе что-нибудь почитаю! Как в детстве, помнишь?

– М-м-м... Да. Помню.

– «Волшебник из страны Оз», «Питер Пэн», «Хайди»?.. Молчишь? Ну ладно, молчи. Можем и помолчать немного. Только вместе. Ты не против, если я посижу тут с тобой?

– У-у, – сказала Марта, – не против.

Вот так вот... Денек выдался не из легких. Да и вообще это был необыкновенный май – столь же чудесный, сколь и опасный месяц... Но он подходил к концу, и приближалось лето, а летом все всегда хорошо, не правда ли? Конечно, неправда, и все-таки мне хочется в это верить.

Мне вообще во многое хочется верить. И в добрых волшебников, и в прекрасных принцев, и в то, что все мы когда-нибудь встретимся. Мне хочется верить в солнце над моей страной, в ее горы и реки, в ее людей. Иногда моим знакомым кажется, что я бездельничаю, а я вовсе не бездельничаю – я верю, просто верю... В то, что мы все однажды найдем то, что давно искали, и будем счастливы... счастливы... счастливы. Мои знакомые надо мной смеются и говорят, что так не бывает, что есть законы природы, физики, экономики и прочая чепуха. Но да мне-то что? Разве мне кто-нибудь может запретить верить в то, во что я верю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.